

Хелен Кляйн Росс

Опоздавшие

Виртуозно рассказанная хроника ста лет и четырех поколений с блестящим погружением в эпоху

Хелен Кляйн Росс

Опоздавшие

«Фантом Пресс»

2018

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Росс Х.

Опоздавшие / Х. Росс — «Фантом Пресс», 2018

ISBN 978-5-86471-859-9

Глубокая, трогательная и интригующая семейная драма об ирландской эмигрантке, старом фамильном доме в Новой Англии и темной тайне, которую дом этот скрывал на протяжении четырех поколений. В 1908-м, когда Брайди было шестнадцать, она сбежала с возлюбленным Томом из родного ирландского захолустья. Юная пара решила поискать счастья за океаном, но Тому было не суждено пересечь Атлантику. Беременная Брайди, совсем еще юная, оказывается одна в странном новом мире. Она не знает, что именно она, бедная ирландская девчонка, определит вектор истории богатой семьи. Жизнь Брайди полна мрачных и романтических секретов, которые она упорно держит в себе, но и у хозяев дома есть свои скелеты в шкафу. Роман, охватывающий целое столетие, рассказывает историю о том, что, опаздывая с принятием решений, с разговорами начистоту, человек рискует остаться на обочине жизни, вечно опоздавшим и застрявшим в прошлом.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-859-9

© Росс Х., 2018
© Фантом Пресс, 2018

Содержание

Уведомление автора	6
Пролог	7
Часть первая	9
1	9
2	15
3	20
4	26
5	28
6	33
7	35
8	41
9	44
10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Хелен Кляйн Росс

Опоздавшие

Посвящается Маргарет Уилан-Кляйн – моей матери, американке ирландских корней, а также Кэтрин и Маргарет и, конечно, Доналду

Черное дерево.

Желтое, как масло, окно.

Женщина подхватывает ребенка,

С разбега кинувшегося

В ее объятия.

Зажигаются звезды.

Мельтешиит мошкара.

Во тьме наливаются яблоки.

Иван Боланд, «Этот миг»

Helen Klein Ross

The Latecomers

Copyright © 2018 by Helen Klein Ross

* * *

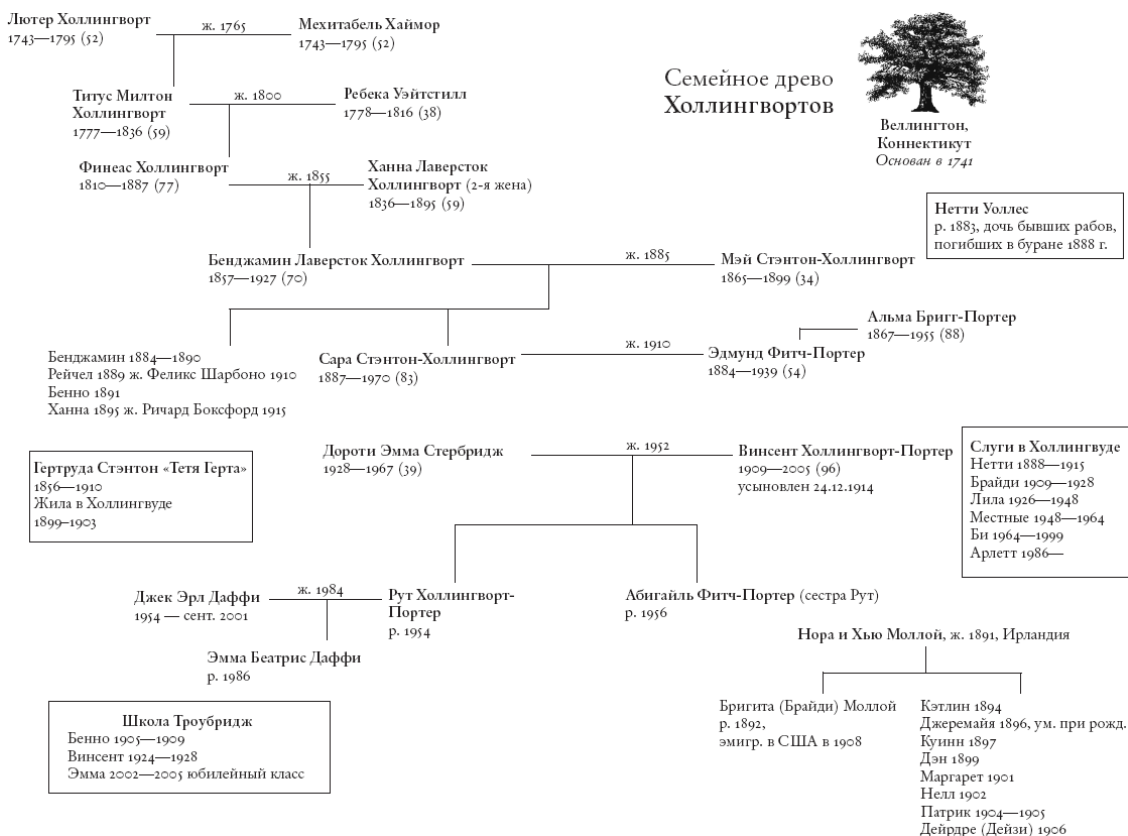
Книга издана при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Александр Сафронов, перевод, 2020

© «Фантом Пресс», издание, 2020

Уведомление автора

В романе отражены реальные исторические события, однако он – плод воображения. (Как заметила Мюриэл Спарк, иное читательское восприятие произведения – удар по самолюбию сочинителя.) Но поскольку я живу в городке штата Коннектикут в таком же доме, какой описан в книге, следует, пожалуй, сказать, что все персонажи вымышлены и не имеют завуалированных прототипов. Пусть рассказанная здесь история не реальна, однако я надеюсь, что читатели, которые, подобно мне, считают беллетристику потайным ходом к нашим сокровенным истинам, в нее поверят.

Пролог Эмма

Верхний Ист-Сайд, Манхэттен

Сентябрь, 2001

Эмма влетела в женский туалет возле стойки администратора и, повернув кран, подставила запястья под холодную воду – этому способу успокоиться ее еще в детстве научила Арлетт.

В дверях туалета Эмма столкнулась с матерью. Отправляясь в город, мать всегда старалась выглядеть идеально, но сейчас ее покрытое испариной лицо в разводах туши и помады было мокро от слез. Она обняла Эмму, и та в кои-то веки ей ответила, вновь почувствовав себя маленькой девочкой, хоть уже была студенткой-первокурсницей.

– Я отвезу тебя домой, – сказала мать.

Окружившие их девушки стали предлагать поехать к кому-нибудь из них – мол, все они живут неподалеку.

Но Эмма хотела того же, что и мать, – домой. Бог даст, отец там. Она знала, что и мать на это надеется.

Они вышли на улицу. Многие магазины уже не работали – к спущенным железным шторам-гармошкам были прилеплены торопливо написанные объявления: «Закрыто ввиду чрезвычайных обстоятельств».

– Нам понадобятся наличные, – сказала мать, но оказалось, что банкоматы «отключены до дальнейшего распоряжения». К банкам и таксофонам выстроились длинные очереди.

«Смешно, – позже думала Эмма, – родители, не желавшие, чтобы их дети обзавелись мобильниками, пересмотрели свою позицию именно в тот день, когда сотовые телефоны оказались бесполезны».

* * *

Перед магазином электроники «Чокнутый Эдди» собрался народ. Это что ж могло привлечь покупателей даже в такой момент? Оказалось, люди смотрят выставленные в витрине телевизоры. Эмма с матерью пробрались в толпу. Срочные новости дублировала бегущая строка внизу экрана. *Южная башня рухнула.*

На экранах раз за разом обрушивался небоскреб. При каждом повторе хроники Эмма переполнялась благодарностью, что отец работает в другом здании. Однако у нее защипало глаза, когда показали Северную башню. В небоскребах окна не открывались вообще, но сейчас из них как будто выглядывали люди. На фоне стен мелькали какие-то падающие черные точки. Эмма приняла их за обломки сгоревших конструкций, но вот дали крупный план, и стало ясно, что это – люди. Они выпрыгивали из окон. Одни падали камнем, другие кувыркались, словно в победном фляке. Эмма зажмурилась и, как в детстве, ухватилась за мамину руку. Мать стиснула ее ладонь и поднесла к губам.

Эмма знала точно, что отец не выпрыгнет. Прыжок означал бы, что он их бросил.

На входе в подземку на Восемьдесят шестой улице висело объявление: «Движение поездов прекращено».

На Третьей авеню по встречной полосе ехал танк! Война, что ли, началась?

Мать вскинула руку, подзывая такси. Но все они куда-то запропастились. Светофор сменился уже несколько раз, когда у тротуара остановилась слегка обшарпанная машина. Такси. Мать открыла заднюю дверцу; по бугристой сиденью в виниловой обивке Эмма скользнула вглубь, освобождая место для матери. Но та в машину не села.

– Доедешь до Сто двадцать пятой улицы. – Из кошелька мать достала двадцатку. – Потом поездом езжай к деду. Сиди в Холлингвуде и жди нас с папой.

От слова «папа» подступили слезы.

– Нет! – Эмма отпихнула деньги и по сиденью проехала обратно к дверце. – Я с тобой. Я хочу домой!

– Дальше Четырнадцатой улицы уже не пропускают. Сделай, как я прошу. Мне и так забот хватает, Эмма. – Мать сунула купюру в карман ее куртки.

Машина тронулась. «По тревоге поднята Национальная гвардия... эпидемиологическая опасность...» – извещало радио.

Одна на заднем сиденье, Эмма расплакалась. Она представила, как родители надыхаются отравленным воздухом и подхватят смертельную болезнь. А что будет с кошкой?

На сегодня Эмма записана к стоматологу, но теперь ровные зубы уже не имели значения.

* * *

Ужасные пробки. До вокзала ехали целую вечность. Молча. Только слушали новости.

Эмма протянула водителю двадцатку, но тот денег не взял.

– Оставь себе, красавица. Я не таксист. Просто остановился на светофоре. А ты будь осторожна и слушайся маму.

– Спасибо, – кивнула Эмма, подумав, что в любой другой день такая доброта показалась бы необычной.

Поезда-то ходят? Как там дедушка и Арлетт?

Усадьба Холлингвуд, построенная ее прапрапрадедом, располагалась в Веллингтоне, штат Коннектикут.

Она-то цела?

Часть первая

1

Брайди

Холлингвуд

Октябрь, 1927

Утром, когда петух пропел давно, но колокол на ратуше еще не отбил восемь ударов, Брайди, крепко ухватившись за рифленые ручки овального серебряного подноса, на котором позвякивал завтрак мистера Холлингворта, вышла из кухни и ступила на узкую лестницу. В отличие от особняков на Пятой авеню, где служила ее землячка, перчатки не входили в униформу прислуги Холлингвуда, однако временами Брайди их надевала, дабы не залапать столовое серебро и, стало быть, чистить его пореже.

Завтрак мистера Холлингворта был скуден по сравнению с теми утренними трапезами, что прежде она готовила вместе с Нетти: кровавые колбаски и заварной крем, пончики и оладьи с фруктовым джемом, яйца-пашот, омлет или яичница – глазунья либо обжаренная с обеих сторон, как пожелают хозяин и его четверо детей. Однако то было давно, когда дети были маленькие, а завтраки в столовой – шумным семейным собранием, знаменующим начало дня, но не нынешней тихой кормежкой развалины, почти не встающей с кровати.

Нынче завтрак мистера Холлингворта состоял из яйца-пашот на гренке, кофе и сливок, которые Брайди собрала с верха бутылки, утром оставленной у дверей ребятами Байфилдами, от отца перенявшими молочный бизнес. Гренок был приготовлен на жаровне, хотя в доме недавно появился электрический тостер, теперь убранный в кладовку, дабы не маячил немым укором. Сара, старшая дочь семейства, привезла его с передвижной выставки домашней утвари в Хартфорде. Но Брайди не доверяла замысловатой штуквине, убежденная, что той не подрумянить гренок как надо, и, главное, опасалась, что дернет током. Почти все свои тридцать пять лет она готовила гренки на жаровне. И зачем изменять привычке, если так наловчилась, что руки сами всё делают? Электрический сепаратор для сливок, прибывший с той же выставки, занял место рядом с тостером; и тот и другой были укутаны покрывалом, защищавшим их от пыли и глаз Сары, случись ей забрести в кладовку.

Электричество Брайди принимала умеренно. Дом электрифицировали без малого двадцать лет назад, вскоре после того, как она сошла с парохода, доставившего ее из западного графства Ирландии, где об электрических лампах не слыхивали, и ничего, слава тебе господи, жили. Конечно, шить и читать так-то оно сподручнее, чем при мигающем пламени свечи. И еще электрической морозилке Брайди воспевала хвалу. Но американцы считают, что чем больше хорошего, тем лучше. Электрические уюги, швейные машинки и даже зажигалки для сигар – они-то на кой сдались? Хотя вот мистер Таппер, электрик, говорил, что подобные устройства сберегают силы и без них домработнице уже не обойтись.

Внизу звякнул звонок. У двери черного хода. Некстати. Стараясь не накренить поднос, Брайди осторожно развернулась и сошла вниз. Пристроила поднос на стол, накрыла серебряным куполом, сняла перчатки и отворила дверь.

На крыльце, выкрашенном серой краской, стоял мистер Таппер. Будто услышал, как Брайди мысленно охаяла его ремесло.

– Входите, входите! – Она радушно распахнула дверь, словно извиняясь за свое злословье.

Мистер Таппер снял кепку и, войдя в дом, опустил инструментальный ящик на широкие сосновые половицы.

– В моем сегодняшнем списке Кэнфилды стояли первыми, но к ним приехали гости. Поэтому я займусь вашими переключателями, если сейчас вам удобно.

– Чудесно. – Брайди затворила дверь. Нынче воробьи расквохтались, точно куры. Вчера один влетел в приоткрытую дверь и Брайди битый час шугала его из дома.

Когда электрифицировали дом, мистер Холлингворт, как и большинство хозяев, потребовал установить переключатели, позволявшие, лишний раз не вызывая мистера Таппера, вернуться к газовому освещению, буде электричество окажется лишь преходящим увлечением. Теперь стало ясно, что новшество прижилось, народ всюду пользовался безопасной электроэнергией. А вот переключатели барахлили. В прошлом месяце из-за утечки газа в переключателе вспыхнул дом на Мэйн-стрит. Мистер Таппер был так занят, что очередь к нему растянулась на месяцы.

Нынче его визит выглядел гораздо предпочтительнее, нежели в декабре, – дата была помечена в настенном календаре. Сейчас-то еще октябрь. До праздников далеко, и лучше пережить беспорядок до поры гостей и увеселений. Кроме того, Сара и Эдмунд за границей, а значит, не увидят разгром, который непременно учинит мистер Таппер. Из-за любых перемен в доме Сара нервничала.

Ее дед, губернатор Коннектикута, построил Холлингвуд по собственному проекту, вот почему Брайди никогда не видела таких домов. Самый большой в городе, он был сложен из камней, добытых в местных, ныне уже закрытых каменоломнях. Брайди он казался домом из сказки. Фасады на обе стороны, длинные коридоры, эркеры, несколько входов, террасы и четырехэтажная восьмиугольная башня. Верхние арочные окна были витражные, как в церкви, и Брайди, поднимаясь в башню смести дохлых мух и обмахнуть пыль со старого телескопа, которым никто не пользовался, всякий раз ненадолго прикинула к цветным стеклышкам, любуясь красотой луга и озера в кайме вечнозеленых деревьев, похожих на театральную декорацию.

Брайди предложила мистеру Тапперу чай и еще теплую лепешку, которой электрик, стоя у кухонного стола и стараясь не ронять крошки в бороду, прилежно угостился. Обмакивая лепешку в чай, он извинился за дыру, которую придется проделать в стене. Понадобятся новые обои взамен испорченных. Брайди задумалась, не отменить ли всё. Наверное, следовало посоветоваться с Сарой, но они с Эдмундом в Италии – продолжительным лекционным туром по озерному краю отмечали годовщину свадьбы. Семнадцатую. Поженились они летом 1910-го, через год после появления Брайди в Холлингвуде. Неужто столько времени прошло?

Из детей теперь только Сара жила в родном доме. Вскоре после свадьбы они с Эдмундом вернулись в Холлингвуд, когда Сара поняла, что двух миссис Портер в одном доме многовато. Она получила разностороннее образование (политика, живопись, садоводство), но не умела, как говорится, сварить яйцо. Сара всегда искала счастья на стороне – всюду, кроме дома, хотя именно там оно ее ждало.

Вот из-за этого-то, считала Брайди, и страдал Винсент. Она всегда была чутка к мальчику, пытаясь облегчить его боль от материнского невнимания, и ее печалило, что старания ее не увенчались успехом. Но Винсент уже не мальчик. Ему восемнадцать, и как же удачно для него и всех них, что Великая война закончилась и угроза пасть ее жертвой над ним не витала.

* * *

Если сейчас мистера Таппера отправить восвояси, вновь он объявится лишь к Рождеству, а это совсем не дело – на праздники занять разгром в вестибюле. Пока электрик расправлялся с лепешкой, Брайди сходила в подвал и вернулась со старыми простынями, хранившимися в ларе для всякой всячины. Наученная горьким опытом, она знала, что мебель лучше прикрыть.

Чтоб мастеровой не топтал хороший ковер в столовой, Брайди повела его к месту работы кружным путем – плечом (руки были заняты простынями) отворила застекленную дверь в кладовую и далее коридором мимо бельевой.

В вестибюле взглянув на витые медные рукоятки переключателей, которые предстояло убрать, Брайди с тоской подумала об уроне, какой претерпят обои. Правда, сейчас в городе имелся хороший обойщик, а на антресолях хранился запасной рулон обоев, предусмотрительно оставленный французенкой-декоратором, занимавшейся домом.

В вестибюле мистер Таппер помог укрыть простынями стулья и столики, после чего Брайди вернулась в кухню. Она потрогала серебряный кофейник, проверяя, теплый ли (из-за чувствительных зубов мистера Холлингворта горячий кофе не годился), натянула перчатки, подхватила поднос и вновь ступила на лестницу.

Уже на первой площадке ее настиг жуткий грохот в вестибюле, и перед глазами тут же возникло страшное видение. Спальня мистера Холлингворта находилась как раз над местом работы мистера Таппера, и Брайди представила, как старые стены не выдержат, потолок обвалится и кровать с хозяином грохнется прямо у парадной двери.

На ходу Брайди чиркала боком по деревянной балюстраде, ограждавшей площадку, – давняя привычка из-за боязни скovyрнуться с узкой лестницы. Коридор в ту часть дома, где прежде жила вся прислуга, а сейчас осталась только Брайди, был темен. Когда Нетти собралась замуж и ушла со службы, Брайди не заняла ее комнату, которая была побольше. Осталась в своей комнатухе с низким потолком, окно которой выходило на озеро. Там ей нравилось. Там свет хороший.

В прошлом году мистер Холлингворт временно переехал в бывшую комнату Нетти, смотревшую на север и потому самую темную. Порой даже от неяркого света у него болели глаза. Брайди быстренько стачала шторы из тяжелого бархата. Нетти, захавшая из Массачусетса, усмехнулась – уж больно чужеродно смотрелись они в комнате служанки.

Брайди свернула в хозяйское крыло; грохот из вестибюля стал громче, следом послышался хруст штукатурки. Значит, стенку пробили. Хорошо, что этого не видит Сара, которая всякую поломку в доме воспринимала как собственную рану.

Брайди нащупала ногой порожек в коридоре. Надо сказать мистеру Холлингворту, что яйцо нынче снесла Фисба. Лучшая несущка в курятнике, у нее яйца всегда крепкие и вкусные. Яйцо-то и впрямь от Фисбы? Поди знай, яйца были собраны еще вчера. Но старики – как малые дети: что им скажут, тому и поверят. Аппетит у мистера Холлингворта (вернее, то, что от него осталось) по утрам лучше. Вчера он почти не притронулся к ужину. А должен есть, чтоб поддерживать силы. Брайди постаралась, чтобы завтрак выглядел как можно привлекательнее.

Даже украсила поднос. С утренней почтой пришла открытка от Сары, из города с непронизносимым названием. Город на горе казался выстроенным из детских кубиков. Брайди прислонила открытку к вазочке с пурпурной анемоной – последним даром увядающего сада.

Будем надеяться, Сара не забыла послать открытку Винсенту на адрес школы.

Имя курице дал Винсент, было это несколько лет назад, перед тем как он отправился в школу на том краю озера. К поступлению в Трoубридж парень готовился основательно: тягал штангу, отказался от белого хлеба, сидел на новой диете, вырабатывая характер.

Его вступительным заданием стал перевод с латыни на английский истории Пирама и Фисбы. На веранде библиотеки Винсент корпел над книгой, а затем угостил Брайди повестью о юных влюбленных, разлученных родителями. Пряча набрякшие слезами глаза, она уставилась на иголку, которой вышивала его инициалы на носовом платке, и прикусила язык, дабы не рассказать, о чем ей напомнила эта история.

* * *

Подходя к комнате хозяина, Брайди, как обычно, пропела:

– Ваш завтрак, мистер Ха! Утречком Фисба для вас расстаралась!

Мысленно прикидывая, чем сегодня займется, она тихонько толкнула локтем неплотно прикрытую дверь. Сейчас усадит мистера Холлингворта в подушках повыше, чтоб пища, не дай бог, не попала в дыхательные пути, и, пока он ест, а потом через лупу размером с его голову читает газеты, она сходит в кладовую и закончит разводить воск с уксусом, дабы этой смесью отполировать полки и стол в библиотеке. Пятница – день уборки. Этому порядку – в понедельник стирка, во вторник глажка и так далее – ее обучили на курсах домоводства при монастыре Святой Урсулы. Нынче во многих домах отказывались от устаревшей системы – мол, пусть домработница сама решает, когда и что делать, но Брайди была ей верна, считая, что так от работы больше толку, тем более когда в доме всего одна служанка.

На кровати никакого шевеленья. Как можно спать, когда внизу так грохочут? Ну да ладно, лишние минутки сна ему не повредят. Последнее время он спал мало, всё жаловался на бессонницу и боли. Наверное, вместе с вечерними лекарствами Молодой доктор дал ему сонное питье. Он пользовал мистера Холлингворта с тех пор, как в прошлом году умер Старый доктор. Похоже, снадобья помогают.

Брайди поставила поднос на тумбочку. Хозяин лежал лицом к стене. Может, ночью ему стало хуже? Или начался жар? Брайди потрогала его лоб и, ощутив под ладонью безжизненный холод, заглянула хозяину в лицо. Открытые глаза смотрели в пустоту. Она всё поняла, и у нее сразу вздыбились волоски на руках, а потом и на загривке. Мистер Холлингворт не спал. Он умер.

Брайди отпрянула, сбив поднос с тумбочки; тарелка и кофейник со звоном упали на пол.

– Что у вас там, мисс Моллой? – снизу крикнул мистер Таппер.

Брайди не ответила. Не верилось, что мистера Холлингворта больше нет. А ведь приступы слепоты у него прекратились. Он немного окреп, и порой они вдвоем совершали прогулки по дому. Состояние его настолько улучшилось, что Сара с Эдмундом смогли отправиться в давно запланированную поездку. И вот на тебе...

Брайди встала на колени, перекрестилась и прочла молитву, не сводя глаз с того, что еще недавно было человеком. Мистер Холлингворт относился к ней хорошо. Он был добрый. Научил ее плавать. Спас жизнь ей и ее сыну.

По лестнице, а затем в коридоре протопали шаги мистера Таппера. Брайди обернулась. Мистер Таппер пригнул голову. Он рослый, почти под потолок, но сейчас не из-за этого склонился.

– Упокой Господь его душу, – проговорил он.

Брайди подошла к окну, раздернула шторы и подняла раму. Говорят, что в открытое окно душе отлететь проще.

Потом вернулась к кровати и накрыла простыней лицо мистера Холлингворта. Простыня в пятнах от пролившегося кофе, ну да бог с ним. Брайди собрала упавшую посуду на поднос и попросила мистера Таппера помочь ей с телефонными звонками. Она боялась телефона.

С подносом в руках Брайди осторожно сошла вниз и, проводив мистера Таппера к телефонному столику в виде маленькой колонны в нише под лестницей, продиктовала номер Молодого доктора. Сейчас он в больнице, но секретарша всё ему передаст.

Потом Брайди продиктовала телефон школы Винсента. Свадебного салона Ханны в Литчфилде. И Бенно, который сейчас, наверное, на фабрике.

Толстым пальцем мистер Таппер крутил неподатливый черный диск, через дырочки в трубке говорил с телефонисткой и передавал трубку Брайди, которая, держа ее на отлете, произносила слова громко и отчетливо, словно общалась с глухим.

– Хозяин скончался! – выкрикивала она. – Приезжайте!

Рейчел жила во Франции. Ей и Саре надо послать каблогаммы. Не сможет ли мистер Таппер сходить на почту, чтоб известить Сару и Рейчел? Смогу, ответил электрик.

Брайди старалась совладать с мыслями, носившимися, точно курицы с отрубленными головами.

Едва мистер Таппер ушел, как к дому подъехал «паккард» Молодого доктора. Брайди мыла посуду, уцелевшую после падения подноса. Глянув в окно, она отерла руки о передник и собралась открыть дверь, но врач уже вошел в дом, даже не постучавшись, что было на него не похоже.

– Когда это произошло? – спросил он.

– Я обнаружила его только что.

Брайди посмотрела на часы в вестибюле. Почти девять. Наверное, директор школы уже известил Винсента и тот скоро прибудет.

У доктора что-то с лицом. Оно не сочувственное. А как будто сердитое. Словно Брайди допустила оплошность. Что, в чем-то напортачила? Но в чем? Ведь она следовала всем предписаниям и выдавала больному хранившуюся в шкафчике над камином микстуру, которую каждый вечер доктор заново готовил в мензурке.

Сняв шляпу, но оставшись в пальто, Молодой доктор кинулся к винтовой лестнице. Чего он так спешит? Думает, она ошиблась и мистер Холлингворт вовсе не умер? Может, вправду ошиблась? Вот уж была бы радость. Однако на сердце тяжело. Да нет, не ошиблась.

Молодой доктор – точно мальчишка. Много лет семейным врачом был Старый доктор, но теперь его нет, на смену ему пришел Молодой, который, наверное, до конца жизни будет выглядеть юнцом.

Брайди вошла в комнату мистера Холлингворта. Молодой доктор распахнул ночную сорочку хозяина и приставил стетоскоп к его груди. Брайди поежилась, представив, как холодит железное кольцо мембраны. Хотя мистеру Холлингворту уже все равно.

Врач встал и, отвернувшись к окну, спрятал стетоскоп в сумку. Брайди принялась застегивать хозяйскую сорочку, и тут в комнате появился мистер Таппер.

– Почтальонка говорит, в номере, что вы дали, не хватает одной цифры.

Он перевел взгляд на мистера Холлингворта и уставился на его руку, свесившуюся из-под простыни.

– В иных обстоятельствах я бы решил, что беднягу отравили, – сказал электрик.

– Что? – вскинулась Брайди.

Мистер Таппер подошел к кровати и взял руку покойника.

– Вот, белые полоски у основания ногтя. В учебке нам о таком говорили. След мышьяка. История «парижской зелени» на обоях, может, слышали?

Брайди всмотрелась. И впрямь, белые полоски. Как же она их раньше-то не замечала?

– Вы врач, что ли? – спросил Молодой доктор.

Мистер Таппер вспыхнул и отвернулся к окну.

– Медицинское название этих полосок – лейконихия, – продолжил доктор. – Да, они указывают на отравление мышьяком, но также служат симптомом иного – болезни печени, недоедания. – Он посмотрел на Брайди: – Мисс Моллой, вы сэкономили на питании больного?

– Да что вы! – вскрикнула Брайди и тут же вспомнила, что последнее время у мистера Холлингворта был плохой аппетит. Наверное, ей следовало проявить настойчивость. И что, она виновата в его смерти, раз не уговорила есть побольше?

Мистер Таппер повернулся к врачу:

– Скорее черепаха запоет, нежели мисс Моллой не накормит человека досыта. – Он усмехнулся, словно желая шуткой разрядить обстановку. Но Брайди была потрясена.

– Идемте, мистер Таппер, отыщем недостающую цифру, – сказала она.

Застегнутым мистер Холлингворт вновь выглядел прилично, и ничто не мешало ей поскорее покинуть комнату.

Она пропустила мистера Таппера вперед, но в коридоре ей пришлось ждать, пока он поправит бра, когда-то давно им же подвешенное к стене. Брайди видела, как в комнате врач подошел к шкафчику над камином. Там хранились приготовленные им микстуры. Доктор взял синий флакон, тщательно его закупорил и сунул в карман пальто. Лекарство, наверное, ценное. Пригодится другому пациенту.

Оставив мистера Таппера, Брайди спустилась вниз и в ящике телефонного столика отыскала тетрадку, где был записан требуемый номер. Передав бумажку с номером электрику, она проводила его через парадную дверь – так путь на почту короче.

Услышав шаги доктора по винтовой лестнице, Брайди пошла ему навстречу, чтобы проводить и его. Подходя к вестибюлю, она увидела отражение Молодого доктора в стеклянной дверце буфета. Что это он так сторожко озирается? Выглядывает ее, Брайди, чтобы дать новые указания? Да нет. Вон, сошел с ковровой дорожки и шагнул к стене, где на месте переключателя зияла небольшая квадратная дыра. Мистер Таппер молодец, постарался всё сделать аккуратно.

Врач достал из кармана синий флакон, осмотрел его и бросил в дыру. Ничего себе! Флакон ударился о дранку и звякнул, приземлившись в недрах дома.

Не шевелясь, Брайди смотрела, как отражение доктора надело шляпу, подошло к двери и, оттянув тюлевую занавеску, глянуло на улицу. Потом врач повернул медную ручку, открыл дверь и был таков. Брайди ощутила холодок, пробежавший от затылка до самого копчика.

2

Брайди

Ливерпуль

Апрель, 1908

Дальше определенной черты пускали только пассажиров с билетами, и провожающие в плотном кольце багажа старались растянуть последние мгновения с любимыми, с которыми вновь встретятся не скоро, а может, и вовсе никогда.

Матери держали в ладонях лица сыновей, отцы приглаживали волосы дочкам, прощальные объятия мужей и жен сплющивали младенцев, посапывавших на материнских руках. Седая старуха в оборчатом чепце скинула с плеч шаль и укутала ею худенькую девочку лет девяти, не больше. Похоже, возрастных ограничений для пассажиров не существовало – парходные компании смягчили правила, стремясь заполнить новые огромные корабли.

Девушка в очереди, стоявшая перед Брайди, была чуть старше ее, лет, наверное, двадцати. Темные волосы ее волнами ниспадали на бархатный воротник пальто. Она поцеловалась с заплаканным парнем, слезы которого ей, видимо, досаждали, потому что она мягко оттолкнула его рукой в перчатке:

– Ну будет! Ступай себе!

Не макинтош ли отца мелькнул в толпе провожающих? Нет, это кто-то чужой, знакомых, слава богу, никого.

Как же прав был Том, настаивая, чтобы они ехали вместе! Брайди сопротивлялась долго. Сперва план был иной. Казалось разумным, если Том уедет один, а после выпишет к себе Брайди. Но потом стало ясно: коли хотят быть вместе, ехать надо вдвоем. Пусть бегство не вполне соответствовало плану, зато сейчас они друг с другом, а это, конечно, самое главное.

Брайди не перенесла бы судьбы иных девушек, что разлучались с любимыми на долгие годы, а порой и навеки. Она не хотела ждать писем, Том был нужен рядом. Она любила его безоглядно. Познакомились они год назад на танцах. Когда твердой трезвой походкой в зал вошел аккуратно причесанный рыжий парень в нарядном твидовом пиджаке, многие девушки положили на него глаз, надеясь, что он пригласит их на танец. Брайди подумала, что такой красавец на нее и не глянет. Парень потанцевал с нахальными двойняшками Флаэрти и еще с какой-то девушкой, а потом направился к Брайди и Лиадан О'Каллаган, стоявшим возле чаши для пунша. Брайди решила, он нацелился на рослую смазливую Лиадан, чьи светлые волосы отнюдь не напоминали копну соломы, однако ее перехватил другой кавалер. Против ожидания, парень не развернулся обратно, но спросил Брайди, не желает ли девушка покружиться. Она зачем-то посмотрела на чашу, словно испрашивая разрешения, и в глазах парня запрыгали смешинки. Брайди не смогла определить цвет его глаз, только отметила очень длинные ресницы. И еще красивые ровные зубы, открывавшиеся в улыбке. За первым танцем последовал другой, и с той поры не было дня, чтоб они не увиделись хотя бы на минутку, чему очень удивились бы ее родители.

Повозкой из Килконли в Туам, потом автобусом до Голуэя, а затем долгая дорога в Дублин, когда, сидя рядышком на жестких вагонных скамьях, они по очереди присматривали за своим багажом. В ее клеенчатой сумке и его перехваченном ремнем чемодане было всё необходимое для начала новой жизни. Ночной паром доставил их из Дублина в Ливерпуль, и вновь они по очереди караулили вещи, бечевкой привязанные к багажной полке, хотя все равно не могли уснуть, чересчур взбудораженные картинами своего будущего. При мысли об открывающихся горизонтах у Брайди екало в животе. Они с Томом сделали то, о чем многие мечтали, но не могли осуществить, – отправились в Америку.

И только одно омрачало ее счастье: они лишены радости, доступной другим.

Отца Макгори не оказалось на месте, хотя еще не было шести утра, когда они постучали в дверь его дома. Перед отъездом пара хотела обвенчаться. На стук явилась сварливая экономка в ночном чепце; кутаясь в накинутое на плечи одеяло и зевая, она сказала, что ночью за священником прислала повитуха, принимавшая роды. Они никак не ожидали, что не застанут настоятеля дома, хотя заранее не уведомили о визите, боясь, что он сочтет своим долгом оповестить родителей невесты. Отказать в венчании он не мог, поскольку пара была уже взрослая. На днях Брайди исполнилось шестнадцать, и согласия ее родителей не требовалось. И вот экономка миссис Таггарт захлопнула перед ними дверь.

Ужасно, что приходилось вернуться домой, но ничего другого не оставалось. Как пустаться в путь невенчанными? Однако Том ее обнял и сказал:

– Надо ехать, Брайди, иначе билеты пропадут.

Билеты прислал его брат, живший в городе Покипси. Казалось, драгоценные розовые прямоугольники просвечивают сквозь карман Томовой рубашки. Их цена равнялась его двухмесячному жалованью, которое он получал как подмастерье плотника, мистера Долларда. Но если отступить, через двадцать четыре часа они превратятся в никчемные бумажки.

Стараясь не обращать внимания на странную тяжесть в груди, вслед за Томом Брайди спустилась по каменным ступеням крыльца. Густой туман окутывал окрестные поля. Была весна, пора дождей. Уже в двух шагах ничего не разглядеть, но это не страшно. Они выросли на этих улицах и прошли бы здесь даже с закрытыми глазами. Том и Брайди шагали к месту сбора, откуда повозка мистера Макгаллахи доставляла желающих на городскую станцию. Они удивились, услышав колокол, извещавший об отправлении через три минуты. Том нес чемодан и сумку, которую водрузил на голову и придерживал рукой. Брайди рассмеялась: он походил на туземок с иллюстраций в миссионерских книжках. Но так ему было сподручнее. Колокол прозвонил снова. Надо было спешить. Все знали, что повозка отправится раньше времени, если сунуть монетку Макгаллахи. Никто не хотел опоздать на работу – ни мужчины-поденщики, ни женщины, нанимавшиеся служанками, кухарками и прачками. Десятиминутное опоздание каралось штрафом – из жалованья вычитали за час работы.

Скоро и я стану работать, взволнованно думала Брайди. Но только не приходящей служанкой в Листоуэле. Нет, в великом городе Нью-Йорке она получит место в большом доме на улице под названием «Пятая авеню».

Одна девушка, Аделаида, знакомая по монастырским курсам, служила в таком доме и получала хорошее жалованье, отвечая только за глажку. О том она рассказала в письме на тончайшей бумаге. Брайди видела это письмо, ходившее по рукам. На День святого Власия в их церковь набилась уйма народу, поскольку в соседнем приходе вспыхнула чахотка и тамошний храм закрыли. Колонной по трое люди стояли в притворе, ожидая своей очереди пройти к алтарю и получить облатку, так что всем желающим хватило времени ознакомиться с письмом Аделаиды.

Богатые нью-йоркские дамы предпочитают брать в услужение ирландок, писала Аделаида красивым почерком в завитушках, которому монахини обучали курсисток. Ирландки не боятся и не чураются никакой работы. На трезвую голову честны, а еще грамотны и умело распоряжаются деньгами, выдаваемыми на хозяйство, ухитряясь на пенс купить столько, сколько другой купит на фунт. Брайди знала, что в Америке фунтов нет, там доллары. Придется их освоить. Ничего страшного. Деньги она считала хорошо. На уроках счетоводства сестры Джером всегда получала высший балл.

* * *

В порту Ливерпуля Брайди обрадовалась, увидев, что Джеральд, старинный школьный друг Тома, сдержал слово и ждет их на причале. Несколько лет назад он уехал из графства

Голуэй. Джеральд направлялся в Америку, однако в Ливерпуле сразу нашел работу. Он стал извозчиком, перевозил табак с пароходов в пакгаузы. Хорошая работа позволила ему жениться на местной девушке, у них родился ребенок. У малыша было что-то с ножками, и потому семья не могла уехать в Америку, принимавшую только абсолютно здоровых, о чем еще на пароходах извещали все брошюры и объявления. Если у человека какой-нибудь изъян, его отправят восвояси. У всех были знакомые, с которыми такое произошло. Не так давно семейство Макгивни из Каслмейна отправилось в путь с четырьмя детьми, двумя парами близнецов. Из-за трахомы двух ребятишек, по одному из каждой пары, развернули обратно. И теперь они жили в Листоуэле у тетки, которая, заменив им мать, растила эти ирландские зеркальные отражения единоутробных американцев, обитавших в Нью-Йорке.

* * *

Джеральд повел их в небольшое кафе, где его приятель служил официантом. Тот, не дожидаясь просьб, накрыл стол к полднику.

– Поешьте напоследок. – Джеральд аппетитно вгрызся в сэндвич. – Всё, что съедите на пароходе, попросится наружу.

– В смысле? – Брайди прихлебнула чай.

– Едва отплывете, вас начнет выворачивать наизнанку. Так оно со всеми. – Джеральд достал из кармана и катнул через стол какой-то бурый шарик. Брайди, приняв игру, катнула его обратно. Перочинным ножом Джеральд расщепил шарик надвое и подтолкнул половинки к Тому и Брайди. – Это мускатный орех. Как поплывете, положите его под язык. Тошнить-то будет, но все же не так сильно.

Затем Джеральд стал давать советы касательно Америки. Поначалу Брайди слушала его недоверчиво, поскольку сам он там не бывал. Но потом сообразила, что Джеральд знает, о чем говорит, ибо в Ливерпуль прибывали не только отъезжающие, но и те, кто возвращался на родину, изведав тяготы заокеанской жизни.

– Как сойдете на берег, не вздумайте кашлять, – предупредил Джеральд. – Пограничники в штатском выглядывают чахоточных и тифозных. Стоит кашлянуть, и вас отправят назад или запихнут в изолятор.

Брайди вдруг захотелось откашляться. Странно, она не была простужена, однако легкое перханье перешло в приступ неудержимого кашля. Брайди зашарила по карманам в поисках носового платка, который на день рождения ей подарила Кэтлин. В груди что-то дрогнуло, когда она увидела свои инициалы, изящно вышитые сестрой.

– Попей. – Том придвинул к ней свой стакан с пивом. Но Брайди глотнула чаю, и кашель прекратился. Лица Тома и Джеральда разгладились. Брайди сунула платок в рукав, чтоб, если что, был поближе.

– Допивай. – Джеральд кивнул на ее чашку с остатками чая. – Там такого не будет.

– В Америке нет чая? – удивилась Брайди. Она-то думала, там есть всё.

– У тамошнего чая вкус помоев, которые без молока и сахара не полезут в горло.

А на первых порах молоко и сахар будут недоступной роскошью. Брайди пригорюнилась, вообразив полдники без чая, и огляделась, гадая, чего еще она лишится. Вон, за стеклянной витриной, ячменные лепешки и кекс на портере, пирожки с начинкой, черный пудинг и свиные ножки. Дома эти яства она видела только по праздникам, а теперь, наверное, не увидит вообще. Вернется ли она когда-нибудь? Аделаида уж два года как уехала, однако ни словом не обмолвилась о возвращении.

Конечно, сильнее всего она будет скучать по братьям и сестрам. Брайди представила, как, по примеру Томова брата, пришлет им билеты с оплаченными визами и одного за другим

перетащит в Америку; пока молоды и податливы, их надо отлучить от грубой, затверделой груди родины.

Родителей с места не стронешь, это уж точно. Они недвижимы, словно огромные, обросшие мхом утесы. Их каменное неприятие Тома было главной причиной отъезда.

Мама-то еще ничего. Брайди чувствовала, что где-то глубоко-глубоко в ней и сейчас жива та девушка, какой она некогда была, и потому мать понимает и безмолвно поддерживает старшую дочку.

Сказать это вслух она, конечно, не могла. Почему? Из-за папы! Он-то не принимал Флиннов напрочь. Дурная, говорил, кровь. По опыту Брайди знала: если папе что втемяшится в голову, его уже не переубедишь, он становится неприступен, как скала Кэшел. Отец запретил ей выходить за Флинна. Флинн – фамилия Тома. Его дед по отцу отобрал у Моллоев ферму, которой владело не одно поколение их семьи. Уилф Флинн выиграл ферму в карты и, к великому смятению семейства Моллой, забрал. Бедному папе было двенадцать, когда его выселили из родного дома – белого особняка, в каждый урожайный год обраставшего пристройками.

Поселились Моллой в домишке, стоявшем в очереди халуп у подножия холма, несколько кур составляли всё их хозяйство, и папе пришлось с тележки торговать яйцами на рынке в Роскоммоне. Иногда ему удавалось найти поденную работу.

Самое смешное, что Том уезжал вслед за братом, потому что оба не хотели хозяйничать на ферме.

* * *

Накануне вечером вся семья, как всегда, собралась за накрытым клеенкой столом. Кроме Брайди, никто не знал, что ужин этот прощальный. Обычно отъезжающим в Америку устраивали большие проводы, похожие на поминки, но Брайди не смогла бы уехать, если б родня затеяла отвальную. Она не умела прощаться.

Мама подала картофельные оладьи. Шел пост, поэтому мяса не ели вообще, а не только по пятницам. Оладьи были вкусные. Быстро орудуя вилкой, Брайди ела в охотку. Младшие братья по очереди подбрасывали поленья в очаг. За столом их было семеро детей; могло быть девять, но двое умерли младенцами. Впервые в жизни Брайди подумала, что без тех двоих груз на душе капельку легче.

Куинн рассказывал о своей победе на конкурсе по географии, комната наполнилась голосами, смехом, чадом, запахом обжаренного в масле лука. Слава богу, в этой кутерьме никто не замечал, что у Брайди глаза на мокром месте. Она понимала, что родную кухню вновь увидит не скоро.

Отца не было дома. Семья уже не ждала его застольной молитвы. «Ешьте без меня, – как-то сказал он матери. – На моем грешном горбу будет одной святой обязанностью меньше». И мать обходилась без его благословения пищи. Она всегда ставила его тарелку во главе стола, но бывало, что место его так и пустовало всю трапезу. Но даже когда его не было, все ощущали его присутствие, словно с отцовского стула на них осуждающе смотрел его призрак.

Расправившись с оладьями, братья откинулись на стульях и закурили. Тут и пришел отец. По тому, как он долго стягивал башмаки, все поняли, что он крепко выпивши.

Мать кинулась за его порцией ужина, которую держала на плите. Брайди облегченно вздохнула, когда отец, пошатываясь, прошел к столу. Иногда он шел прямо в спальню и, не раздеваясь, падал поверх одеяла. А вот если садился к столу, значит, был пьян, но не в стельку. Отец со скрежетом отодвинул стул, мать поставила перед ним тарелку. Отец сел, взял ложку, подхватил горячую оладью и понес ко рту. Брайди представила, как в его желудке добрая мамина еда сражается со спиртным.

В Америке ей не придется видеть отца таким.

Братья тихонько переговаривались, а Кэтлин, потянувшись к солонке, посолила отцовские оладьи – он чувствовал вкус только очень соленого или очень сладкого.

Теперь домашние обязанности Брайди лягут на плечи сестры. Горько, но что поделаешь?

Первый билет в Америку будет для Кэтлин. Как только бедная мама без нее справится? По старшинству Кэтлин вторая после Брайди. Сестра шьет, убирает, готовит и делает многое другое, причем с удовольствием, не в пример ей, Брайди, всегда норовившей улизнуть с книжкой. Прежде чем всё это закрутилось, Брайди представляла себя городской продавщицей в красивых туфлях и шляпке.

3 Брайди

«Мавритания»

Апрель, 1908

На речном причале корабль выглядел белой сверкающей громадиной. Лишь недавно он совершил свой первый рейс, поведал контролер, проверявший у трапа билеты. На фоне неказистых суденышек, перевозивших почту, табак и другие грузы, корабль смотрелся прекрасным белым лебедем в окружении невзрачных серых утят. Далеко не все его пассажиры покидали Ирландию навсегда, как Брайди и Том. Были и такие, кто в отпуск ехал посмотреть на заморские диковины, чтоб потом описать их в своих дневниках или почтовых открытках с яркими марками, которые друзья и родные иногда получали уже после того, как сами путешественники вернулись домой.

Но эти люди ехали первым классом, тогда как Том и Брайди – третьим.

Брайди ежилась, следом за Томом по узкому железному трапу спускаясь на самую нижнюю пассажирскую палубу, которая тем не менее была много выше уровня причала. Даже в пальто и шляпке Брайди зябла. Пасхальный наряд ее был не новый, он достался ей от кузины Агнес, служившей стенографисткой в Лондоне. Одежда, вполне приемлемая для графства Керри, там не годилась.

– Ирландок всегда отличишь по неказистым платьям, которые сидят на них как на корове седло, – смеялась Агнес, когда в Рождество приехала повидать домашних.

Через матушку она передала Брайди и ее сестрам коробку с отвергнутыми вещами, и те еще долго их донашивали. Но Брайди не роптала, ибо кухня обладала неведомо как развившимся вкусом, хоть и выросла в том же жалком приходе, где в домах, не имевших отопления, всё было покрыто слоем сажи от чадящих печей. Увидишь ее на церковной службе и решишь, что она прямо из Парижа.

В дорогу Брайди надела серое пальто, пуговицы и обшлага которого были обшиты клетчатой тканью. Оно ей нравилось, хоть пальто это, не сгодившееся для Лондона, вряд ли сгодится и для Нью-Йорка. Но Брайди понимала: даже самой красивой одеждой не скроешь того, что она – девушка из ирландской глубинки. И ей было жалко, что пальто уезжало вместе с ней, а значит, не перейдет к сестрам, как и все прочие вещи, доставшиеся от Агнес.

При первой возможности она пришлет сестренкам туфли на каблуках, шелковые чулки и платья, виденные в журналах. Том и Брайди шли узкими коридорами, отыскивая свою каюту. Наверное, на все эти двери и стенные панели извели целый лес.

Оглушительно ревели паровые турбины, за их шумом не слышно ни слова.

Наконец отыскалась узкая дверь с номером 2435А. Едва Том и Брайди вошли в каюту, как дверь сама захлопнулась. Ясно, она останется открытой, только если чем-нибудь ее подпереть. В каюте, не имевшей иллюминатора, царил полумрак. Узкая двухъярусная койка, подставка для багажа, столик с привинченной лампой. На десять дней это их дом. Брайди огляделась – чем бы подпереть дверь, чтоб было светлее? Том ее обнял.

– Иди ко мне, миссис Флинн. – Он развязал ее шарфик и поцеловал в шею. Том и раньше так делал, но сейчас Брайди запаниковала. Вроде бы нет причин его останавливать – мать с отцом не застукают, не возникнет констебль с дубинкой, из-за дерева не выскочит братец Дэн с криком «пиф-паф!».

Но дело в том, что она вовсе не миссис Флинн. Наверное, это можно исправить? На пароходе определенно должен быть священник.

– Том, не надо... – начала Брайди, но любимый не дал ей договорить. От его теплого дыхания, щекотавшего шею, Брайди будто пронзили огненные стрелы.

– Я люблю тебя, – прошептал Том. – Мы начинаем нашу совместную жизнь.

Верно. Они навеки принадлежат друг другу. Неужели еще нужна бумажка, это подтверждающая?

Брайди лишь смутно представляла, чего он от нее ждет. Тонкостей она не знала. Не имелось взрослой подруги или старшей сестры, которая просветила бы ее о таинстве брачной ночи. Но у нее-то не брачная ночь. Руки Тома делали свое дело, а мысль эта буквально парализовала Брайди. Плотская близость с мужчиной, который тебе не муж, – это смертный грех, и женщина, себя осквернившая, немедленно будет осуждена на вечные муки. Тут без вариантов, в катехизисе сказано ясно. И если ты, замаранная смертным грехом, вдруг умрешь без покаяния, у Господа не останется иного выхода, как определить тебя в ад. Ничего нет страшнее ада, говорили монахини. Одним грешникам уготован огонь, другим – мерзлота. Что-то выпадет ей, Брайди? Для нее всего нестерпимее холод.

– Я жутко замерзла, – сказала Брайди. Ее трясло от страха, который она старалась не выказать.

– Давай накроемся. – Том откинул одеяло в чистом пододеяльнике. Он начал расстегивать рубашку, но Брайди отпрянула и плотнее запахнула пальто. Мысль о том, чтоб обнажиться перед Томом, привела ее в ужас. Он это подметил и застегнул пуговицы.

Не снимая пальто, Брайди присела на матрац, плоский, как камбала. Том подсел рядом. Она хотела отодвинуться, но сообразила, что это выйдет грубо. Легкость между ними исчезла. Брайди казалось, будто ее поселили вместе с незнакомцем. Раньше и мысли не возникало, что любовь их может иссякнуть. Потерять Тома было бы страшнее всего. Брайди представила, как через десять дней корабль причалит к американскому берегу. И если Том ее разлюбит, каждый пойдет своим путем. Брайди заплакала. Куда ей деваться? Воображение нарисовало ночлежку. В сумраке Том отер ей мокрые щеки.

– Мы ничего не станем делать против твоей воли, – ласково сказал он.

Одетые, они лежали рядышком и вскоре уснули, убаюканные размеренным покачиванием вкуче со скрипами и клацаньем корабля.

Среди ночи Брайди, вся в поту, проснулась от тошноты. Она не сразу поняла, где находится, но потом, сообразив, подумала: наверное, это Бог ее наказывает за то, что разделила ложе с тем, кто ей не муж. Тома тоже мучило. Пососать мускатный орех оба забыли. Скатившись с койки, Том упал на четвереньки, его вырвало прямо на пол. Вскоре и Брайди, составив ему компанию, содрогалась в волнах рвоты, набегавших одна за другой до тех пор, пока желудку уже нечего было отдать. Качка продолжилась и наутро, что весьма отвлекало от прочих тревог.

* * *

Через день-другой они слегка оправились. Пришел матрос, шваброй протер пол и чем-то заклинил дверь, чтоб проветрить провонявшую каюту. По окончании уборки Том и Брайди направились в столовую третьего класса. Они втиснулись на скамью за длинным столом, где уже сидели другие пассажиры, изрядно оголодавшие за дни морской болезни. Значит, мы не одни такие, подумала Брайди. Официант выдал им железные миски, кружки и ложки, предупредив: посуда дается на весь рейс, мыть самим, хранить у себя. Раздали меню, Том и Брайди выбрали еду. Том предпочел соленую кашу, а Брайди захотела попробовать неизведанные яства, названия которых так красиво смотрелись на листке: грейпфрут и чернослив. Потом она пыталась уговорить Тома отведать их божественный вкус, но тот не отрывался от миски с кашей.

Официант, забравший их кружки, чтоб принести воды, долго не возвращался. Том спросил у соседа разрешения хлебнуть из его кружки и потом предложил Брайди сделать глоток, но она, хоть изнывала от жажды, дождалась прибытия их собственной посуды.

Покончив с завтраком, узкой лестницей они поднялись на палубу третьего класса (розовые билеты не давали права подняться выше), где толпа пассажиров ждала своей очереди подойти к бортовому ограждению. Когда Брайди и Том были вдвоем, он виделся ей высоким, а в толпе вдруг оказалось, что это далеко не так. Себя же она почувствовала вообще булавочной головкой, когда им наконец удалось протиснуться к ограждению, плотно унизанному пассажирами. Впервые за дни пути Том и Брайди увидели небо. Они наслаждались солоноватым ветерком и брызгами, взлетающими с лазурной глади океана, как будто бескрайнего. Однако край у него был, и на том краю осталась невидимая отсюда Ирландия. «Доведется ли вновь увидеть родную страну?» – вслух подумала Брайди. Наверное, да, ответил Том, ведь мы захотим показать нашим детям, откуда мы родом. От этих его слов ее охватило теплом. Через пару минут их оттеснили другие пассажиры, жаждавшие насладиться видом, и они встали в очередь к лифту, о котором и не подозревали. Лифтом можно было спуститься на свой этаж, минуя шесть лестничных маршей. Однако он не работал. Лифтера тошнило. Пришлось спускаться пешком.

Идти было некуда, кроме как в свою каюту. Вонь выветрилась. Том позволил двери захлопнуться. Они сели на койку, поскольку больше сидеть было негде. Видимо, свежий морской воздух пробудил в них нечто первобытное. Том обнял Брайди за шею и поцеловал, она не сопротивлялась, чувствуя себя не в силах противостоять собственному желанию. Наверное, Том это угадал, потому что привлек ее к себе и крепко обнял, а потом осторожно уложил на койку, примостившись рядом. Он ждал знака и получил его, когда, не встретив возражений, стал расстегивать ее блузку, пропуская костяные пуговицы сквозь обметанные петли. И вот блузка распахнулась, явив сорочку – единственную преграду между его рукой и корсетом. Нырнув под ткань сорочки, рука устроилась на животе, укрытом фортификацией из крючков, пуговиц и планок настолько устрашающей, что порой сама хозяйка впадала в отчаяние, снимая эту защиту. Похоже, рука испугалась сего укрепрайона, ибо покинула его и тотчас забралась под юбку, где не стала разыскивать застежку, но, двигаясь вверх по ноге в черном хлопчатобумажном чулке, достигла участка обнаженной плоти, после чего медленно-медленно скатала чулок, сначала один, потом другой. Затем, исследовав кружева панталон, стала нежно поглаживать ткань над сокровенным местом. В ответ тело Брайди встрепенулось каждой клеточкой. Но потом рука отчего-то замешкалась. Сквозь полуопущенные ресницы Брайди увидела, что глаза Тома закрыты, и тогда ей хватило духу отдать команду своим празднично лежавшим рукам. Она расстегнула корсет и обнажила грудь. Жадное изумление, возникшее на лице Тома, ей польстило.

– Какая же ты красивая... – прошелестел он.

Отвернувшись, Том расстегнул ремень и стащил брюки. Брайди слегка испугал размер его мужского достоинства, сильно отличавшегося от висюлек братцев, которые она прикрывала подгузником, дабы не оросили ее во время пленения.

Том навис на ней, Брайди зажмурилась и напряглась как струна.

– Расслабься... – шепнул Том.

Ну да, расслабишься тут, когда всё сплошь ужас и восторг и в тебе возникает такое, о чем ты даже не подозревала.

Том попытался проникнуть в нее, но у него не вышло. Потом получилось, и ее ожгло болью.

Больше всего ей понравилось лежать в его объятиях, вдыхая его запах и странный аромат того, что они содеяли. Так на его руке она и уснула.

Они прикинули вариант венчания у корабельного священника, но решили не рисковать – ведь тогда выявится, что они занимают отдельную каюту, не будучи супружеской парой. Вдруг их переселят в четвертый класс, где нет кают, но одно большое помещение, вроде конюшни, и все вместе, мужчины, женщины и дети, спят на деревянных лавках? Слава богу, брат Тома не поспешил на третий класс.

* * *

Утром Тома лихорадило.

Поначалу Брайди не обеспокоилась. Жар она сбивала тысячелистником, который вместе с другими травами хранила в стеганом мешочке с ленточкой-завязкой, сшитом ею специально для поездки. Несколько раз на дню Брайди с ложки поила больного отваром, и лихорадочный румянец на его щеках угас, липкая испарина на остудившемся лбу просохла.

Но потом питье перестало помогать. Когда к высокой температуре добавилась иссушающая жажда, Брайди бросилась за корабельным врачом, но тот не обслуживал пассажиров третьего класса, а к фельдшерице, к которой они могли обратиться, уже была огромная очередь. Брайди стучалась во все каюты своего коридора в поисках кого-нибудь, хоть как-то связанного с медициной. Соседка миссис Ахерн – она путешествовала с маленькой дочкой, которую младенцем оставила в Ирландии, а теперь забрала, – посоветовала наливать воду из баков для пассажиров второго класса, ибо разохшиеся бочонки для пассажиров третьего-четвертого классов содержали всякую заразу.

Опасаясь подцепить инфекцию и, не дай бог, заразить дочку, миссис Ахерн отказалась заглянуть к больному, но дала деревянное распятие, которое велела положить ему на грудь. Освященное в Лурде, оно обладало целебными свойствами.

Баки для второго класса оказались недоступны.

На ночь Брайди укрыла Тома чем только можно – грубым шерстяным одеялом, на котором было крупно проштемпелевано название парохода, своим и его тонкими пальто – и легла рядом, свернувшись калачиком. Она следила, чтоб распятие не соскользнуло с груди Тома, и шепотом бормотала псалмы, запомнившиеся из «Ключа от царствия Небесного» – маленького молитвенника, на конфирмацию подаренного бабушкой. Читала молитвы. «Отче наш». И особую молитву Иуде Фаддею, покровителю отчаявшихся.

Она использовала все уловки, которым научилась у мамы, не одного ребенка оттащившей от края смерти. Брайди попросила официанта сварить луковицу в молоке, сдобренном перцем, и тот согласился взамен на ответную услугу – написать письмо его девушке в Лимерике. Парень скрывал от любимой, что он неграмотен.

Полыхая жаром или дрожа в ознобе, Том не вставал с узкой койки, временами проваливаясь в забытие. Спал он, как ангел, как невинный младенец – не всхрапнет, не шелохнется. Порой его неподвижность тревожила Брайди, и тогда она подставляла палец ему под нос – так делала мать, проверяя, дышит ли ее ребенок.

Чтоб поддержать силы, Брайди заставляла себя выпить бульон. Если свалится и она, позаботиться о Томе будет некому.

Часами она смотрела на его лицо, освещенное привинченной к столику лампой – единственным источником света в каюте. Но вскоре пришлось ухаживать за больным в темноте, ибо всякий свет причинял ему боль. В углу каюты, где стенки сходились неплотно, из коридора сквозь щель пробивалась узенькая полоска света, но даже она доставляла ему невыносимое страдание. Выходя из каюты, чтобы опорожнить горшок Тома или самой воспользоваться уборной, Брайди старалась молнией проскользнуть в коридор и лишней раз не мучить больного. Крохи света сквозь щели в расшатанных качкой панелях не радовали, а скорее раздра-

жали. Она понимала, что корабль движется, но порой казалось, будто он застрял на месте либо пятится назад.

«Ах, хорошо бы всё отмотать обратно!» – часто думала Брайди. Вновь и вновь представляла она сцену на крыльце пасторского дома: они стучат в дверь, экономка сообщает, что отец Макгрори отбыл по вызову. Бог с ними, с билетами, говорит Том, поездку лучше отложить. Еще не рассвело, Брайди успевает вернуться домой и через окно залезает в комнату, которую делит с сестрами. Проснувшаяся Кэтлин недоуменно смотрит на старую клеенчатую сумку в ее руке. Брайди прижимает палец к губам, сестра отворачивается к стенке, с головой накрывается одеялом и опять засыпает. Вскоре мама будит девочек, чтоб помогли в домашних хлопотах: разжечь плиту, умыться маленьких, подмести пол, замесить тесто.

* * *

Едва проснувшись, Брайди всё поняла: Тома больше нет. Открытый рот зиял черным провалом, Том был недвижим и холоден. Таким же холодным был ее маленький брат Патрик, когда она нашла его мертвым в кроватке. Ее обязанностью было утром поменять ему пеленку. Но он почему-то не просыпался. Брайди его потрогала – он был холодный как камень.

* * *

Обернутый парусиной, Том напоминал мумию. В край савана был вшит кусок цепи – для веса. Священник (не католик, а протестант, а значит, не вполне священник) окропил кокон (сначала в головах, потом в ногах) святой водой, прося у Господа для усопшего обещанную вечную жизнь. Ветер трепал его черную сутану, когда то же самое он проделал над телами еще одного мужчины и ребенка, унесенных корабельной лихорадкой. Слезы застили глаза и текли по щекам Брайди, уже омоченным брызгами перехлестывавших через ограждение волн, словно им не терпелось получить свою добычу.

– Предавая сии телесные сосуды морским глубинам...

Тело Тома перевалили через ограждение, и Брайди почувствовала, что часть ее уходит вместе с ним. Сперва она хотела вложить ему в руки распятие, полученное от миссис Ахерн, но потом передумала. Не из-за того, что хозяйка распятия наверняка потребует его обратно, а потому что это – последняя вещь, которой касался Том, и ощущать его в руке было крохотным утешением. Брайди развязала носовой платок, в котором хранилась так и не использованная половинка мускатного ореха, и бросила за борт это маленькое подношение океану. Девушка, какой она была прежде, умерла вместе с Томом.

Попадет ли он в рай? Вот что ее тревожило. Ведь у него не было возможности исповедаться. Они совершили, как ни крути, смертный грех. Но они же хотели обвенчаться, верно? Очень хотели, даже пытались, и не их вина, что священника не оказалось на месте.

Зря они поехали в апреле. Всем известно, что весной в воздухе носится всякая хворь. Отлучка священника была знаком, что надо отложить поездку. Но они этого не поняли.

Том сказал, в первый раз всегда больно. Потом он захворал, и другого раза уже никогда не будет. Наверное, они с Томом наказаны достаточно. Бог виделся Брайди каким его представляли монахини – менее суровым и более уступчивым, чем Бог, которому поклонялись священники. Этот милосердный Бог не станет приговаривать такого хорошего человека к вечной геенне огненной. Правда же?

Сама Брайди исповедуется непременно. Хоть одна-то католическая церковь в Нью-Йорке имеется. В письмо Аделаида вложила открытку с видом церкви Святого Патрика, названной в честь главного ирландского святого.

И потом, Бог, наверное, учтет, что у них это было всего один раз.

– ...Даруй им покой и умиротворение...

Какое уж тут умиротворение, когда кругом разъяренная стихия и огромные волны лупят в борт. Ногами вперед тело Тома соскользнуло в воду. Брайди представила, как он погружается на глубину: руки его выпростались из парусинового кокона и перебирают водоросли, как еще совсем недавно перебирали ее пряди.

4

Винсент

Нижний Ист-Сайд, Манхэттен
1909–1914

Его мать – ирландка, так, во всяком случае, ему говорили. Неважно, каким именем его нарекли при рождении, ибо оно, послужив ему весьма недолго, было аннулировано монахиней, принимавшей его, трехмесячного, в «Сиротский приют Святого Иосифа».

Каждый воспитанник приюта получал новое имя, дабы сохранить анонимность матери и дать ей возможность вновь стать незапятнанным членом общества. Рождение незаконного ребенка считалось преступлением. Но карали за него немногих. Дескать, печальные последствия эдакого проступка уже сами по себе наказание.

Четырех месяцев от роду его передали приемным родителям, окрестившим малыша Винсентом Макналти. Через несколько лет они вернули его в приют. Пятилетним он стал тем, кем будет всю свою жизнь, – Винсентом Холлингвортом-Портером. Позже он гадал, какое имя ему дали при рождении. Наверное, что-нибудь эдакое сугубо ирландское – Шеймус, Пэдди или Малахия. Слава богу, его нынешнее имя не выдавало в нем «картофельную душу», хоть огненная шевелюра не оставляла сомнений в его предках. Даже волоски на руках были рыжие.

В приюте Св. Иосифа он забавлялся игрой «Какая моя мама». Как все сироты, он представлял ее красивой и важной, лелея надежду, что когда-нибудь она его заберет. Воображение рисовало элегантную ирландскую даму в перчатках до локтя, пышноволосяную и тоже рыжую. Она замужем за очень богатым человеком и живет в большом красивом особняке, – Винсент еще не знал, что большинство ирландских дам обитают в особняках лишь на правах служанок.

Иногда родители забирали детей из приюта. Чаще – матери, но бывало, что за ними приходили отцы, желавшие восстановить семью. Такое случалось с другими ребятами. Однажды зимним вечером трое братьев, с которыми Винсент сидел за одним столом, не вышли к ужину. Это было неслыханно. Ужин считался главным событием дня. Три лишние порции жаркого отдали Винсенту и еще двум сиротам. Святая сестра Хильда, из числа добрых монахинь, сказала, что мальчиков забрал отец. Из Ирландии приехала их тетушка, которая поможет вырастить троих детей. Мать мальчиков умерла, а закон запрещал воспитывать детей в семье, где нет женщины. Поэтому отец отдал сыновей в приют, а сам стал искать достойную замену их матери. На обмен письмами, телеграммами и добывание билетов на пароход, рассказывала святая сестра Хильда, ушел целый год. Но вот мальчиков забрали, и теперь Винсент неустанно мечтал, что такое же случится и с ним.

Все его ранние воспоминания были связаны с мистером и миссис Макналти, которые стали его приемными родителями. Пусть бедное, их жилище на Мотт-стрит было лучше многих других в районе Пяти углов, а потому легко прошло проверку комиссии от Сестер милосердия.

В 1909-м младенцев охотно отдавали в приемные семьи, поскольку из-за наплыва иммигрантов приют был переполнен. В Нью-Йорк хлынуло беспрецедентное число переселенцев – их прибывало до миллиона в год. Многие столкнулись с тем, что здешняя жизнь далека от мнившегося им беззаботного рая. Порой обстоятельства не позволяли содержать даже одного ребенка. Мать Винсента, говорили монахини, желала ему жизни лучшей, чем та, какую она могла обеспечить.

Приют старался пристроить в семьи младенцев, с которыми хлопот куда как больше, нежели с детьми постарше. Малышей надо было пеленать, кормить, одевать и укачивать в колыбели. Исследования социологов выявили, что на заре жизни ребенка настоящая семья для него несравнимо лучше любого казенного учреждения, даже под началом добрых Сестер милосердия.

Супруги Макналти, проживавшие в двухкомнатной квартире на Мотт-стрит, были в списке потенциальных родителей, готовых взять на себя заботу о ребенке, а взамен получать ежемесячное пособие. Несмотря на многолетние молитвы, паре так и не удалось завести собственное дитя. Однако через год после усыновления Винсента миссис Макналти обнаружила, что пребывает в интересном положении. Родилась девочка, здоровенькая, и с той поры всякому, кто соглашался слушать, миссис Макналти жаловалась, что измоталась вусмерть, обихаживая двух детей.

Супруги подумывали вернуть Винсента в приют, однако не вернули, и не только потому что привязались к этому ясноглазому мальчику, милому и веселому. Миссис Макналти поделилась с соседкой, что, похоже, есть какая-то необъяснимая связь между появлением Винсента в семье и рождением их собственного ребенка. И если сдать мальчика обратно до истечения пятилетнего контракта, не нарушит ли это естественный ход вещей, результатом чего станет преждевременная смерть дочки? Мистер Макналти, прокладывавший всевозможные городские кабели, приносил домой хорошее жалованье, однако семья уже привыкла к ежемесячному пособию, которое миссис Макналти тратила не только на Винсента, но и на всякие хозяйственные нужды.

Первое яркое воспоминание: за накрытым клеенкой столом Винсент сидит вместе с теми, кого считает мамой и папой. Ему года три. В соседней комнате тихо плачет малышка Лоло. Звонят в дверь, кого это принесло? – говорит мама. Да просто замкнуло провод, который в подвале перегрызла крыса, шутит папа. Мама морщится. За стол к ним подсаживается незнакомец. Воротничок у него не белый, а черный. Он спрашивает Винсента, хорошо ли о нем заботятся, счастлив ли он. Винсент не знает, что сказать. Он никогда не задумывался о счастье. Он смотрит на потолок, где под светом газовой лампы мерцают железные звезды, потом переводит взгляд на маму с папой. Их лица, залитые желтым светом, хмуры. «Да», – говорит Винсент. Он понимает, ответ правильный, потому что чужак и родители улыбаются. «Хорошо», – говорит незнакомец и добавляет, что должен провести осмотр, дабы удостовериться лично.

Винсент понимает, что маме и папе Лоло роднее, чем он. Поэтому дочку они любят больше, хотя до ее появления Винсент был вполне обласкан.

На воспоминание о незнакомце в черном воротничке наслаивается другое – о том, что произошло тем же вечером, а может, другим: взбеленившийся папа швыряет тарелкой в маму. Мясо шлепается о стенку, оставляя жирный след на обоях с узором из чайников.

5 Брайди

Остров Эллис

Апрель, 1908

После погребения миссис Ахерн пригласила Брайди к себе, но ей хотелось побыть одной, и она, одолев железные марши, спустилась в свою каюту.

Настоящей одинокости Брайди еще не изведала. До встречи с Томом она частенько стремилась к уединению и порой на одолженном велосипеде сбегала от домашней суматохи и нескончаемых дел в дюны, где часок-другой могла почитать библиотечную книгу – роман Элизабет Гаскелл, Лилиан Спендер или что-нибудь из последнего миссис Хамфри Уорд. Однако она быстро пресыщалась таким одиночеством и радостно катила домой, где царили смех, разговоры и запахи маминой стирки.

Сама Брайди готовить не умела. Пока тебя научишь, всю себя измучишь, говорила мама. Наверное, сейчас семья садится ужинать: в чугунной печке пляшет огонь, на решетке булькают горшки, Кэтлин раскладывает еду по тарелкам, а мама из старого железного чайника, на деревянной ручке которого бабушкин палец протер ямку, наливает кипяток в кружки.

И как теперь жить? О возвращении домой не могло быть и речи. Тома нет, и такое чувство, будто лишилась руки или ноги. Может, перелезть через ограждение и броситься в воду? Господи, пусть этот корабль утонет!

О еде не хотелось и думать, два последних дня пути Брайди провела на койке, уткнувшись лицом в пальто Тома. Нюхая синюю подкладку, она старалась накрепко запомнить запах любимого. Она боялась, что облик его сгладится в памяти, и потому усиленно вспоминала колючесть его рыжих усов, его живые голубые глаза и ощущение его руки на своем затылке, когда он ее целует.

Брайди умоляла Тома явиться ей во сне, чтобы еще раз его увидеть. Когда-то они потешались над вдовой Кроули, которая писала себе открытки от имени давно покойного мужа, подписывая их «Ангел Рональд Кроули». Сейчас Брайди думала о ней с теплотой и пониманием, которого лучше бы не было.

Через день к ней постучалась миссис Ахерн. Брайди решила, соседка хочет забрать свое распятие, но та сказала:

– Оставьте его себе. Сегодня на ужин дают суп из бычьих хвостов. Поешьте, вам надо беречь силы.

Для кого? – подумала Брайди. Кому она нужна? Для кого ей беречь силы? От мысли о еде ее замутило. Она не представляла, что сможет войти в столовую, полную громогласных людей, у которых всё по-прежнему, тогда как вся ее жизнь перевернулась вверх тормашками.

Однако миссис Ахерн не отставала, и Брайди отыскала свою железную миску и отдала ее соседке, чтоб та принесла еду в каюту. Когда Брайди, сидя на койке, хлебала суп, ей казалось, что она предает Тома. Первая еда без него. Утром по сигналу к завтраку миссис Ахерн вновь постучала в ее дверь, но Брайди не отозвалась. Не было сил встать. Еда вызывала отвращение. Организм как будто замер. Не хотелось ничего, только спать, сон казался исцеляющим эликсиром.

– Том, – прошептала Брайди. Уплывая в дрему, она просила его прийти в ее сны. Но он не пришел.

* * *

Брайди понимала, что перед выходом на берег надо привести себя в порядок. Иначе ее отправят назад. Но о возвращении даже страшно подумать, да и дорога обратно ее просто убьет.

Брайди встала в длинную очередь в душевую, выстроившуюся еще за сутки до прихода в порт. Когда подошел ее черед, она не воспользовалась душем, лишь над умывальником обтерлась влажной тряпичкой. Никакого желания лезть под ледяные струи из настенной лейки. Один раз она уже попробовала – после того, что у них было с Томом. Тогда-то она и познакомилась с душем, ведь дома все мылись в корыте, а воду грели на плите. В тот раз она намучилась с вентиляем, унимая лейку, и чуть не превратилась в ледышку.

В порт прибывали в пять пятьдесят следующего утра, но многие, в их числе и Брайди, встали затемно и перед встречей с Америкой оделись во все лучшее. При входе в гавань даже пассажиров четвертого класса допустили на прогулочную палубу. Люди махали американскими флажками, кто-то стоял столбом, разинув рот, другие плакали и хватались за сердце; сквозь туманную дымку корабль медленно приближался к громадной зеленой женщине в зубчатой короне и с факелом во вскинутой руке. Из-под подола ее одежд выглядывала чуть отставленная назад нога, словно статуя собралась исполнить ирландский танец. При мысли, что Том не видит этого завораживающего зрелища и вместе с другими не машет шляпой, навалившись на бортовое ограждение, глаза Брайди наполнились слезами.

Пассажирам велели взять свой багаж и пройти на паром, направлявшийся к острову, так густо застроенному зданиями, что поначалу Брайди приняла его за собственно город. Она решила держаться миссис Ахерн, но перед трапом на паром ей приказали отойти в сторону. Сперва Брайди подумала, что остановивший ее человек хочет помочь ей с багажом (она несла свою сумку и чемодан Тома), однако тот, не предложив помощь, отвел ее в помещение, где врач в длинном белом халате попросил ее снять пальто. Она запаниковала, когда ее обстучали сверкающим молоточком, осмотрели язык, уши, глаза и волосы. Вдруг она заразилась от Тома? Значит, ее отправят обратно? Когда осмотр закончился, миссис Ахерн уже уехала, и Брайди прошла на паром вместе с толпой незнакомцев.

Всем им выдали бирки, точно они сами были багажом. Причалили. Вместе со всеми Брайди прошла в огромный зал с арочными, как в церкви, окнами. Впервые в жизни она видела столько оттенков кожи и слышала столько наречий.

Длинные очереди. Скамьи, на которых народ сидел, прежде чем встать в хвост вереницы. Женщина в фартуке всех обнесла корзиной с ломтями белого хлеба, пышного и сладкого, точно пирожное. В жизни ничего вкуснее Брайди не ела. Дома-то пекли черный хлеб, мякиш которого мало чем отличался от корки.

Высидев одну очередь, Брайди тут же встала в другую. Разделенные железными поручнями переселенцы напоминали скотину, пригнанную на ярмарку. Наконец Брайди добралась до инспектора в фуражке с сияющей кокардой. Усы его смахивали на подкову. С высокого табурета за деревянной конторкой он оглядел Брайди.

– Имя?

– Бригита Моллой.

Инспектор склонился к бумажной простыне, на которой мелкими буквами были записаны сотни фамилий.

– Брайди. – Может, под этим именем она означена в списке?

– Брайди? – переспросил инспектор, рыская внимательным взглядом по бумаге. Никогда не слышал такого имени, что ли? – Возраст?

– Шестнадцать лет.

– Замужем или девица?

Позже она сообразила, что могла легко солгать и никто не уличил бы ее во лжи, но величественный зал, внушительные усы контролера, отсутствие справки о венчании и страх допустить оплошность, за которую отправят обратно, заставили ее сказать правду:

– Девица.

Сказанного не воротишь, и вскоре Брайди о том пожалеет.

– И невестой станешь невеста когда? – Усы контролера встопорщились в плотоядной ухмылке. Он что-то заметил? Неужто понял, что она потеряла невинность?

Брайди облегченно выдохнула, услышав следующий вопрос об особых приметах. Значит, усатый не видит того, что не ему предназначено.

– Родимое пятно. На животе.

Том пальцем его обводил, называя Италией. И обещал, что когда-нибудь свозит ее туда. Слава богу, инспектор не попросил показать пятно.

Он зачитывал вопросы из списка: вы анархистка? имеете судимость? находились на излечении в сумасшедшем доме? кто-то вынудил вас приехать в эту страну?

Нет, нет, нет, нет, отвечала Брайди. Хотя последнее «нет» – не вполне правда. Пожалуй, к отъезду ее вынудил неуступчивый отец. Наверное, она его уже не увидит.

Затем инспектор направил ее к конторке, где меняли деньги. Из Томова пояса-кошелька Брайди достала несколько ярких ирландских фунтов, которые превратились в блеклые доллары. Последней долгой остановкой стала таможня – чиновник проверил все карманы и перетряс всю одежду в багаже. Брайди удивилась, но не посмела спросить, что он ищет.

Однако ее пропустили. Сейчас паром отвезет ее и других переселенцев на американский берег. Вокруг народ ликовал, а в зале еще царил опасливое напряжение – не завернут ли обратно? Подошел паром, и толпа кинулась на посадку, не дожидаясь, когда он толком пришвартуется. Брайди буквально внесли на палубу.

Стиснутая со всех сторон, она прислушивалась к пароходным свисткам, гудкам и сиренам и к разноязычному говору, из которого был понятен только интернациональный плач младенцев. В американском небе носились горластые чайки. Брайди порадовалась, что ее вещи не оказались среди обгаженной ими клады. Паром причалил, и толпа потащила Брайди к воротам Нового Света.

На берегу одни бросались в объятия родных, другие вглядывались в таблички с именами в руках встречающих. Многие, поняла Брайди, никогда не видели своих родственников. Она тоже не знала, как выглядит Дэнис, брат Тома. Брайди взглядом обшарила скопище лиц, выискивая похожее на Тома. И как же она сообщит страшную весть? Спускались сумерки, в людской сутолоке было непросто найти тихое местечко. Брайди отошла к каменной ограде и поставила поклажу перед собой – вдруг Дэнис узнает чемодан брата? Она вглядывалась в толпу, надеясь отыскать в ней кого-нибудь светлогокожего и рыжеволосого. Минуту, другой, а она так и стояла возле ограды. Стемнело. Накапывал дождик. И что теперь делать?

– Ты католичка? – раздался голос над ухом Брайди.

Седоусый мужчина в котелке встал рядом, укрыв ее своим зонтом.

– Да.

– Приехала одна?

Глаза-то хорошие. Брайди кивнула.

– Вы случайно не брат Тома?

– У меня нет родича по имени Том. А ты ждешь этого брата?

– Да. Зовут его Дэнис Флинн. Работает на фабрике. Не знаете его?

– Мисс, да тут полгорода работяг с таким именем.

– Он из прихода Покипси.

– Вона! Так это не ближе Северного полюса. Не скоро он сюда доберется.

Незнакомец спросил, откуда Брайди родом. Оказалось, они земляки – когда-то и он жил неподалеку от Килконли. Если угодно, он мог бы устроить Брайди в пансион. В округе их несколько. А он служит выбраковщиком.

– Кем? – Перед внутренним взором возникла мама, перебирающая лежалый картофель.

– Пансионам ни к чему девицы-баламутки. И без них хозяйкам хлопот хватает. А у меня глаз наметан и на бедокурок, и на славных девушек вроде тебя.

Усач достал плоскую блестящую коробочку, открыл и протянул Брайди. Сигареты. Она отказалась.

– Еще один плюс тебе. – Незнакомец закурил и сощурился от попавшего в глаз дыма. – У меня на примете есть хорошее местечко.

Дождь принялся всерьез. Зонтник протекал, роняя струйки прямо перед носом Брайди. Вон, сумка и чемодан уже намокли, скоро и она вымокнет насквозь, если здесь останется. А какое приличное заведение примет пугало? Наверное, Дэнис не появится. Том не говорил, как они условились. Коль Дэнис живет так далеко, он мог кого-нибудь попросить их встретить. Но тот человек будет высматривать пару, а не одинокую девушку.

Брайди решила пойти с незнакомцем. А что оставалось делать? Но тут в голове возник мамин голос: дура ты набитая, сказала мама, чем ты думаешь-то? Видали ее, с чужаком собралась идти в неведомую Америку! А тот уже подхватил ее багаж. Брайди сообразила, что может запросто лишиться вещей и остаться с одним только поясом-кошельком, спрятанным под юбкой.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Я еще подожду. Дэнис придет, я уверена.

Незнакомец выпрямился и глянул на нее сквозь дым сигареты, тлевшей в уголке рта.

– Скоро ночь, и такой девушке лучше не полагаться на милость обитателей здешнего района. – Рукой в перчатке он вынул сигарету изо рта и выразительно обвел ею вокруг.

Представив, как ее похитят, Брайди нащупала молитвенник в кармане пальто. Может, все-таки пойти с незнакомцем?

И тут прозвонил колокол. Значит, рядом церковь. Там можно укрыться.

Однажды они с Томом забежали в церковь, спасаясь от ее отца. Он увидел их вместе и кинулся вдогонку. Начиналась служба, они прошмыгнули на переднюю скамью. Брайди то и дело оборачивалась и видела в дверях отца, но тот не осмелился скандалить в храме. Весь день они просидели в церкви. Наконец Брайди обернулась и увидела, что отец ушел.

– Я вернусь через час. – Незнакомец приподнял котелок. – Думаю, к тому времени ты будешь рада пойти с порядочным человеком.

Он отбросил окурок, сложил зонт и, опираясь на него, как на трость, скрылся в толпе.

Дождавшись, когда колокол зазвонит вновь, Брайди пошла на его голос, перекрывавший уличный шум: цокот копыт, свист кнутов, скрежет конки и стук колес по мостовой. Она петляла по узким улицам и наконец меж зданий с плоскими крышами увидела шпиль. Кто бы поверил, что бывают дома высотой с церковь?

Проход к храму, отстоявшему от мостовой, охраняли железные ворота с табличкой «Церковь святого Розария». Сейчас они были открыты, в сумраке виднелась статуя Девы Марии, гостеприимно распахнувшей объятия. По невысоким бетонным ступеням Брайди взошла на паперть и ухватилась за железную ручку тяжелой деревянной двери в медных заклепках. Лишь со второй или третьей попытки ей удалось приоткрыть дверь настолько, чтобы вместе с поклажей протиснуться в темное нутро церкви. Когда глаза обвыклись с полумраком, Брайди разглядела выступающую из стены мраморную чашу со святой водой и, стянув перчатку, омочила пальцы и перекрестилась. Знакомо пахло ладаном, огарками и пылью. Храм выглядел величественно: широкий центральный проход, уводивший к далекому алтарю, белые покрывала жертвенника, сверкавшего медью и позолотой, большое, во всю стену, подсвеченное распятие.

Церковь казалась пустой, но вот скрипнула приступка молельной скамьи, и Брайди, повернув голову, на фоне свечей, мерцавших на панихидном столе, увидела чей-то силуэт.

Потом с другой стороны простучали каблуки. Священник. Заметив Брайди, он направился к ней. При каждом шаге колыхался подол его сутаны.

Вновь скрипнула приступка скамьи. Фигура поднялась с колен, и Брайди разглядела женщину на сносках. Она отступила в тень. Пропев петлями, открылась и затворилась боковая дверь.

– Добро пожаловать, дочь моя. – Священник выпустил четки из рук и протянул ладони к Брайди. Притороченные к поясу, четки не упали, но повисли на сутане. – Ты пребываешь в нужде?

Чуть позже они вдвоем пересекли церковный двор и переулком направились в «Миссию Девы Марии и святого Розария по вспомоществованию ирландским переселенкам». Поклажу оставь, сказал священник, ее заберут и доставят. И впрямь доставили.

6 Брайди

Бэттери-плейс, Нью-Йорк
Апрель, 1908

Впервые за последние дни кровать под ней не раскачивалась. Брайди проснулась, но лежала тихо, боясь разбудить соседок, с которыми еще не познакомилась. Миссис Бойл сказала, что девушки улеглись рано, ибо спозаранку им на работу.

Серый свет в комнате извещал, что уже утро. На черном изголовье кровати Брайди увидела цифры, грубо намалеванные белой краской: 1, 2, 3, 4. Ее место было под цифрой «3». Брайди чуть повернула голову, уклоняясь от вылезшей из тюфяка колкой соломины, и увидела, что под белилами призраками проступают другие номера: 1, 2, 3, изящно выполненные золотом. Отсутствие номера «4» говорило, что прежде кровать располагала лишь тремя спальными местами. Брайди завистливо подумала о былом раздолье на этом ложе, но потом сообразила: сохранись оно, и ей, прибывшей последней, не нашлось бы места вообще.

Над изголовьем висели правила по стирке простынь.

Соседка тихонько пукнула. Самое обычное дело. Спать в компании было привычно. Раньше спала с сестрами. Потом вот с Томом. Только прежде не беспокоилась о том, чтоб ненароком не пихнуть спящего рядом. Соседка заворчалась и что-то промычала, ей ответили мычанием с другого края кровати.

– Эва, тетка опять захомутила свежачка.

– Как ее звать-то?

– Эй, соня! Свежачок! С тобой говорят-то!

Брайди села в кровати, сочтя недостойным представляться лежа. Ночной чепец ее свалился на подушку.

– Я Бригита. – Она водворила чепец на место. – Но все зовут меня Брайди.

– Так звали мою лучшую подругу в колонии для малолеток. – Девушка слева вздохнула. – Я Маура, это – Фрэн, а там...

– Спасибо, я и сама могу назваться. – Третья девушка села и протянула руку: – Я Мэри Райан. Чур, я первая в нужник! – Она засмеялась и соскочила с кровати. – Ой, пол-то прям ледяной!

Завтрак был в шесть часов. Накануне миссис Бойл уведомила: если Брайди желает позавтракать, пусть не опаздывает, ибо следующая трапеза только в семь вечера. Обед не предусмотрен. Днем девушки работают, и здесь, слава тебе господи, не забегаловка, но пристанище.

Ничего вкуснее этого завтрака Брайди не едала: пышный белый хлеб (как тот, что раздавала женщина с корзиной), три сорта мармелада, чай или кофе с молоком и сахаром в невиданных кубиках. Миссис Бойл возблагодарила Господа за хлеб насущный, а затем обошла столы, напомнив девушкам, что каждой полагается лишь по одному куску сахара – лимит введен потому, что кое-кто из постоялиц набивал сахаром карманы.

За столом Брайди сидели восемь девушек; в шесть тридцать, когда миссис Бойл прозвонила в большой медный колокольчик, они встали и гуськом вышли из комнаты. Девушки отправились на работу, и через неделю Брайди уже шагала вместе с ними. На фабрике шили английские блузки, новинку, – по крайней мере, для Брайди. Наподобие мужской рубашки, блузка имела ряд пуговиц на груди и заправлялась в юбку. Правда, девушки сказали, что блузки эти появились довольно давно и уже выходят из моды. Работницы беспокоились, не останется ли фабрика без заказов, если начальники вовремя не переключатся на новые запросы дам с Пятой авеню.

Рабочий день длился с половины восьмого до половины пятого, и к концу смены Брайди изнемогала от усталости. Она себя чувствовала машиной, час за часом выполняющей одни и те же операции: продень нитку, зажми лапку, прострочи – и так до бесконечности. Однако ей платили шесть долларов в неделю, и это было немислимое жалование, превосходившее месячный заработок Тома. Брайди сидела там, куда не доходил свет из окна. Самое светлое место занимала Мэри Райан, за три года достигшая положения старшей швеи. Брайди же трудилась под светом газовой лампы, горевшей день и ночь, ибо фабрика работала круглосуточно. Однако обитательницы приюта не выходили в ночную смену. В полночную и утреннюю темень провожать их до Вашингтон-сквер и обратно было некому.

Возвращаясь с работы, Брайди обычно первой хваталась за медную ручку в форме креста на тяжелой деревянной двери приюта и, ступив под защиту дома, облегченно выдыхала. Нью-Йорк восхищал, но был опасен. На улицах кишмя кишели запряженные парой пролетки, омнибусы, таратайки и фургоны с затейливой рекламой того, что они доставляли. Вот нынче «Знаменитые шляпы» чуть не въехали в кучку мужчин в цилиндрах, мирно беседовавших на тротуаре, и едва не столкнулись с омнибусом и конкой, катившей по вделанным в мостовую рельсам. В Нью-Йорке того и гляди тебя переедут.

В первом письме домой об этом она, конечно, не напишет. Брайди наметила сесть за письмо в воскресенье. Монотонная работа за швейной машинкой позволяла хорошенько его обдумать.

Еще до отъезда Брайди представляла, как отпишет домой. Мечталось, что они с Томом зайдут в фотоателье и сделают свадебный снимок, который можно будет вложить в письмо. Мама обрадуется, увидев ее в красивом подвенечном платье, взятом напрокат, отец, само собой, взбеленится, потом крепко врежет в пивной и утихнет.

Но Том Флинн умер. А Брайди так далеко от родных, словно улетела на луну.

В письме она расскажет о своей работе и о хлебе, вкусном, как пирожное. В конверт вложит уныло-зеленый доллар, который родные обменяют на яркий фунт. Может, денежка немного приглушит их горечь от ее поступка. Брайди приободрилась, подумав, что мама сможет сшить сестрам новые платья к Рождеству.

7

Брайди

Нью-Йорк, центр и окраины

Август, 1908

– Восстань и воссияй! – Мэри Райан растолкала Брайди в половине шестого утра.

Угнетающая августовская жара, мешавшая спать, уже набирала силу. Миссис Бойл запрещаала постоялицам ночевать на площадках пожарных лестниц, как делали соседи. Влажная простыня, которой занавешивали окно, к утру уже была сухой; выходя из спальни, Мэри ее сдернула, и комнату наполнил воздух, напоенный сладостью и звучным воркованием голубей.

– Сегодня Мариям не стоит бросаться словом «восстань», – пробурчала Брайди шепотом, чтобы не разбудить соседок.

Нынче был праздник Успения Пресвятой Богородицы – день, когда Дева Мария телом и душой вознеслась на небеса. В этом году праздник выпал на субботу, что было особенно удачно для девушек-католичек: они работали только полдня, а поскольку суббота и так была укороченным днем, половина смены отсчитывалась не от обычных девяти, но от семи часов. Говорят, епископ лично обратился к нью-йоркским предпринимателям, дабы рабочие-католики могли надлежаще отметить святой день.

Брайди и Мэри собирались на утреннюю службу в домовый церкви, чтоб потом быть свободными. Кроме Успения, сегодня еще был день рождения Мэри, которая намеревалась после работы его отпраздновать и на деньги, присланные дядей, угостить Брайди поездкой на трамвае в какое-то неведомое место в центре города.

Еще в постели Брайди, дожидаясь своей очереди в туалет, помолилась, чтоб сегодня пришли месячные. Хотелось сунуть руку под простыню и проверить, как там дела, но вдруг соседка Милли уже не спит и всё видит? Эта Милдред Кэллахан та еще штучка. Тотчас доложит миссис Бойл, которая вышвырнет Брайди на улицу, обвинив ее в безнравственности. Брайди дотерпела до уборной, где могла без соглядатаев исследовать свои панталоны. Их безупречная белизна выглядела укором. Уже в который раз Брайди посчитала на пальцах. Скоро четыре месяца, как последний раз потребовались тряпицы. Это было еще в Ирландии. Однако...

Она все-таки надеялась. Каждое утро прикладывала руку к животу, боясь уловить в нем какое-нибудь биение, но, слава богу, ничего не чувствовала. С первого раза не забеременеешь – это было общеизвестно и подтверждено Эйдин Малдун, вместе с которой на рождественском базаре Брайди торговала всякой бесполезной всячиной. Эйдин побывала во Франции и знала всё.

Настораживало, что оба платья стали тесны, но это, конечно, результат здешней сытной, питательной еды. Надо маленько умерить аппетит.

Своими тревогами Брайди ни с кем не делилась, даже с Мэри. Но девушки, сами того не ведая, ее успокоили. Вот удивительно, однажды сказала Джуэл Уилан, мы живем вместе и у нас стали совпадать циклы. Тогда Брайди подумала, что, наверное, ее организм, точно неловкий танцор, всё никак не приладится к общему ритму.

Но скорее всего, с ней происходило то же самое, что и с Мэри. Та поведала, что в Америке «мисс Пинкертон» навестила ее очень не скоро. Объясняла она это трудным привыканием к массе всего нового – иной пище, воде, климату и, что было всего тяжелее для сельской девушки, постоянному шуму. Даже Мэри, прикатившая из Лимерика, жаловалась на неумолчный цокот копыт по брусчатке, шелканье кнутов нетерпеливых извозчиков, рывканье омнибусных клаксонов и ревунов буксиров (окна спальни выходили на реку) и пьяные свары ночных гуляк, вываливающихся из кабаков. Кроме того, в комнате не бывало полной темноты – проникавший с улицы свет газовых фонарей и извозчичьих лампионов не давал уснуть. Если ночью

случалось встать по нужде, свечка не требовалась. Отвыкая засыпать в темноте, Брайди лишь теперь поняла, какое благо – крошечный мрак, нарушаемый только сиянием звезд и луны.

Ясное дело, из-за всех этих перемен организм сбился с привычного налаженного хода.

Натягивая чулки и застегивая корсет, Брайди думала о Томе, что бывало много раз на дню. Она не девственница, но тайная вдова! Мысль эта питала плававший в душе огонь, никем не видимый.

Наверняка с небес Том смотрит на нее и не позволит случиться ничему дурному.

Шпильками-невидимками Брайди и Мэри закололи кружевные накидки и, проходя через кухню, поздоровались с сестрой Бертрам – облаченная в свой неизменный фартук, деревянной ложкой та помешивала в большом бурлящем котле. Нынче на завтрак давали кашу. У Брайди урчало в животе, но нельзя съесть ни крошки. Перед причастием надлежало поститься с полуночи. А если поешь и причастишься, возьмешь смертный грех на душу.

В шесть утра домовая церковь была полупустой. Многие прихожане пойдут на обедню в церкви Святого Розария. Вот там народу будет битком, сказала Мэри, и всё из-за представления. Каждый год люди приезжали даже из района Канарси, чтоб увидеть живую картину – вознесение Девы Марии. Девочку, облаченную в бело-голубые одежды, усаживали в корзину и на блоке поднимали к сооруженным под куполом облакам. Спокон веку церковь Святого Розария была храмом плотников – ирландцев, не итальянцев. Жизнь юной девы можно доверить лишь ремесленнику ирландских кровей, сказала Мэри.

Служба казалась бесконечной. И почему в праздники священники вечно тянут kota за хвост, хотя знают, что людям еще на работу? Когда на финальных словах «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» Брайди и Мэри осенили себя крестным знаменем, церковный колокол отбил семь ударов, и это означало, что завтрак уже окончен и им, голодным, надо бежать на омнибус.

Поездка на фабрику стала мукой – в конку, рассчитанную на пять пассажиров, втиснулось десять потных тел. Еще пара человек забралась на крышу – у них не было денег на проезд, но в такую жару идти пешком они не желали. Если вдруг лошадь резко останавливалась, фургон кренился, грозя сбросить безбилетников, а взмокших пассажиров еще теснее прижимало друг к другу.

На перекрестке Грин-стрит и Вашингтон-сквер Мэри дернула кожаную ляжку, привязанную к лодыжке кучера, и девушки, приподняв подола, чтоб не зацепиться за подножку, с облегченным вздохом покинули давку.

В Эш-билдинге, три верхних этажа которого занимала фабрика, имелись лифты, но Брайди и Мэри ими пользовались редко. Подъемники беспрестанно ломались, а когда все же работали, ползли еле-еле, что грозило штрафом за опоздание на смену. Трехминутная задержка каралась пятнадцатью минутами неоплаченного труда. Кроме того, пеший подъем по лестнице позволял избежать встречи с лифтером мистером Зито, всю дорогу нагло палившимися на девушек.

Брайди едва не сомлела, поднимаясь на девятый этаж. Ужасно хотелось есть, она взмокла, и с каждым лестничным маршем жара становилась несноснее. Но вот, слава богу, одолели последнюю ступеньку, толкнули дверь и, стуча каблуками, поспешили по сумрачному коридору. Широкие половицы постанывали и скрипели, что всегда пугало – казалось, они о чем-то предупреждают.

В цехе раскроя девушки потянули тяжелую дверь, и их оглушил стук швейных машинок. Брайди плюхнулась на свой табурет, радуясь возможности посидеть. Что-то с ней не так. Накатила слабость, и только усилием воли Брайди не дала себе грохнуться в обморок. Жара одуряющая. Потемнело в глазах. Как будто надели шоры. В детстве Брайди часто падала в обморок и знала, что нужно согнуться и зажать голову меж колен – тогда мигом придешь в себя. Она притворилась, будто что-то ищет на полу – шпильку или иголку. Почти сразу ее отпустило,

и Брайди вернулась в нормальное положение. Она кинула быстрый взгляд кругом, удостоверившись, что никто ничего не заметил. Незачем привлекать к себе внимание.

Машинки стояли так тесно, что работницы едва не пихались локтями. Соседкой Брайди была итальянка, не говорившая по-английски. Какое счастье, думала Брайди, перебраться в страну, где говорят на твоём родном языке. Итальянку звали Роза. То ли Розита. Подле нее стояла тщедушная девочка лет семи. Она ежедневно приходила вместе с матерью и ножницами, длинным шнуром притороченными к переднику и казавшимися непомерно большими в ее ладошке, помогала обрезать концы ниток со швов.

Брайди насторожилась, заметив, что педаль под ногой соседки замерла. Обычно нога эта не знала роздыху. Из кармана фартука Роза достала горбушку черного хлеба и, улыбнувшись, протянула ее Брайди. Это не прошло мимо внимания девочки, и Брайди впервые услышала ее голос:

– Мама!

Есть хотелось ужасно, но Брайди кивнула на малышку, и Роза, пожав плечами, отдала горбушку дочери. Девочка затолкала хлеб в рот целиком и, не сводя глаз с Брайди, принялась жевать, как будто опасаясь, что та может его выхватить.

Голод стал просто невыносимым. Брайди отвернулась, но краем глаза заметила, что Роза достала еще один кусок хлеба. На этот раз Брайди приняла угощение и жадно вгрызлась в горбушку. Муки голода стихли мгновенно. Поглощение восхитительного хлеба доставляло двойное удовольствие: к сладковатому дрожжевому вкусу на языке добавлялось предвкушение следующей секунды, когда зубы вновь вопьются в горбушку.

Расправившись с хлебом, Брайди кивком поблагодарила Розу, а итальянка вдруг показала на ее живот под фартуком и, улыбнувшись, сложила руки, как будто укачивала ребенка.

Стрекот швейных машинок исчез, сменившись звоном в ушах. Неожиданно взбунтовался желудок, и Брайди вскочила, намереваясь испросить разрешения мастера выйти по нужде. Но та беседовала с бригадиром, и не осталось ничего другого, как без позволения покинуть цех. Брайди только-только успела влететь в кабинку и, откинув деревянную крышку, рухнуть на колени, чтоб опростать содержимое желудка не на пол, а в унитаз. Щедрые запасы нутра ее удивили. Отдышавшись, Брайди дернула цепочку бачка и села на грязный кафельный пол. Она вовсе не в положении. Просто располнела. Роза ее не знает, она ошиблась.

Скрипнула входная дверь. Из кармана юбки Брайди достала носовой платок, отерла рот и вышла из кабинки. Мастер стояла руки в боки.

– Удумала превратить полсмены в четвертушку?

– У меня... дни... – пробормотала Брайди, надеясь, что мольба, облеченная в слова, станет былью.

В полдень Брайди и Мэри решили выйти на улицу – охранник открыл дверь, сначала проверив их сумочки. После фабричного сумрака дневной свет резал глаза, ветер вздымал пыль от высохшего конского навоза.

Девушки едва не угодили под трезвонившую колоколом повозку пожарной команды. Привстав на козлах, брандмейстер нахлестывал лошадей. Брайди перекрестилась, как делала всегда, завидев пожарных. Мэри над ней смеялась, но она никак не могла привыкнуть к этому зрелищу. Воображение рисовало объятых пламенем людей, и Брайди молилась, чтобы помощь поспела вовремя.

Мэри приготовила медяки для трамвая. Надземка была ближе, но Мэри никогда не пользовалась ею сама и остерегла от поезда «на ходулях» Брайди. Эта штука убивала людей. Несколько лет назад поезд сошел с рельсов и один вагон повис над Пятьдесят третьей улицей. Мэри хранила газетную вырезку, в которой живописалась кошмарная сцена: люди выпадали из окон и разбивались насмерть. Заметка, озаглавленная «11 сентября – злосчастье Нью-Йорка!»

лежала в коробке с памятными вещицами, поскольку всё это случилось в тот самый день 1905 года, когда Мэри приехала в Америку.

Брайди радовалась, что они поедут трамваем, прочно связанным с землей. Мэри подтолкнула ее к местам наверху, где во время движения приятно овевал ветерок. По железным рельсам, уложенным в грунт, трамвай катил на север, улицы становились оживленнее. Пешеходы – мужчины в цилиндрах, женщины под парасолями – беспечно шастали по путям, и Брайди боялась, что трамвай кого-нибудь переедет. Вагоновожатый в синей форме и перчатках уверенно тормозил, дергая рычаг, но Брайди казалось, что он лишь чудом избегает наезда.

Вскоре Мэри кивнула – мол, выходим, и они, соскочив с подножки, ступили на вымощенную улицу. Брайди разглядела ее название.

– Так это Пятая авеню? – спросила она.

Длинный ряд особняков из белого камня. Где-то здесь служила Аделаида. Брайди поняла всю глупость своих провинциальных представлений о том, как первый же встречный укажет ей дом, в котором работает Аделаида Конрой. В письме домашним надо спросить ее адрес. И уж тогда снова сюда наведаться.

Кругом величественные дома. Район этот выглядел несравнимо благороднее того, в котором располагался приют, однако встретившаяся ходячая реклама смотрелась весьма неблагоприятно. Женщина в черном была увешана обувью всех видов и размеров. Домашние туфли болтались на груди, жестянки с гуталином эполетами украшали плечи, два башмака изображали головной убор. «Распродажа в обувных магазинах Хаймана», – гласил рекламный плакат. Брайди отвела взгляд от несчастного лица женщины, заскользившей прочь, – оказалось, она передвигается на роликовых коньках. Плакат на ее спине сообщал адреса магазинов. Брайди окатило благодарностью за ее работу на фабрике. Она часто жаловалась на долгие смены, жару и скуку, но вот вам, бывает работа куда как хуже.

Девушки шагнули под полосатую маркизу над входом в здание, и Брайди сообразила, что это вовсе не жилой дом, а огромный магазин, занимающий целый квартал.

– Универмаг Бенджамина Альтмана, – объявила Мэри. – Недавно переехал сюда, а раньше был на Дамской миле.

Как-то в воскресенье подруга водила Брайди в тот торговый район на Бродвее, где можно было купить всё что угодно: галантерею и продукты, дамские шляпы и мужское белье, даже змей, собак и птиц. Брайди подивилась ценам на зверушек, которых в Килконли отдавали даром.

Швейцар в расшитой золотыми галунами униформе распахнул перед ними дверь, словно они были дамы, прибывшие в экипаже, а не девицы, соскочившие с трамвая. Брайди вошла в зал и изумленно ахнула. Магазин был огромен, как собор в Дерри, где однажды она побывала со школьной экскурсией. Украшенные колоннами этажи роскошного дворца по спирали уходили ввысь к расписному куполу. В Дерри священник, сопровождавший экскурсию, посетовал, что в столь бедной стране деньги тратят на соборы, но Брайди была счастлива соприкоснуться с подобной красотой, открывшей ей величие, какого она не могла и представить, и навсегда ее изменившей. Дальняя стена магазина была задрапирована (вся, целиком!) американским флагом. Таких громадных полотнищ Брайди никогда не видела.

Она расхаживала по магазину, как по музею, поскольку денег на покупки не было. Цокая каблуками по мраморному полу, девушки переходили из отдела в отдел, разглядывая шикарные товары в витринах: шляпы с плюмажем, веера из страусовых перьев, золотые цепочки для карманных часов, шелковые туфли, оборчатые платья из тончайшего тюля.

В отделе одежды они ощупывали вышивку у горловин английских блузок, смотрели, как пришиты воротнички и манжеты, и гадали, не касались ли их руки этих блузок прежде. Вполне возможно. На ярлыках значилось название фабрики, где они проводили почти каждый божий день.

Девушки задержались возле длинной витрины, под стеклом которой были разложены летние перчатки, и смея ради Брайди решила примерить одну из пар. Она указала на красивые перчатки, белые в черный горошек, с изящными кнопками на запястье. Но когда продавщица их достала, Брайди отказалась от взбалмошной идеи. Она не хотела демонстрировать свои обветренные руки в цыпках (отнюдь не руки леди) и, помотав головой, сказала, что передумала.

В отделе косметики дама с накрашенными ногтями припудрила им щеки, носы, лбы и даже шеи и предложила что-нибудь выбрать из галереи губных помад.

В отделе верхней одежды Брайди пережила потрясение. Пока ощупывала меховой воротник пальто из чудесной шерсти, она потеряла Мэри из виду и, отыскивая ее, пошла по проходу. И тут вдруг – господи боже мой! – увидела свою мать. Нора Моллой, во плоти, шла ей навстречу. Здесь ее быть не могло, но вот нате вам. Брайди вся покрылась мурашками. Она пыталась осознать то, что было невозможно, однако предстало перед глазами.

И тут до нее дошло – она видит себя. Свое отражение в зеркале, вмонтированном в большую желобчатую колонну. У Брайди зашевелились волосы, когда она увидела сходство, о котором говорили все окружающие и которое сама она не осознавала. И теперь вот осознала. Она – вылитая мать. Брайди отогнала нехорошее предчувствие, шевельнувшееся в душе.

* * *

Вызолоченным лифтом они поднялись на четвертый этаж, где была дамская комната отдыха, стилизованная под библиотеку богатого дома: мягкие кресла, полки красного дерева, уставленные книгами в кожаных переплетках. Усевшись на диванчик, девушки угостились бисквитом с серебряной тележки, которую к ним подкатила официантка в розовом переднике и удивительной наkolке, типа кружевной шапочки. Что поразительно, угощение было бесплатным.

На пятом этаже располагался «Вечерний зал», где можно было взять образчики тканей и, перед зеркалом приложив их к себе, посмотреть, как они будут выглядеть при электрическом освещении званого ужина, танцевального вечера, ночного приема или раута на крыше.

– Вот бы сюда устроиться продавщицей! – Брайди вздохнула.

– И не мечтай, – сказала Мэри. – Тут действует ИПОП.

– Что за ИПОП?

– Иностранцев Просят Отвалить Подальше. Сюда берут только коренных американцев, а всяким ирландцам, шведам, немцам ходу нету. Для них есть Бруклин.

А что, если скрыть свое происхождение? – подумала Брайди. Скажем, прикинуться немой. Ведь развозить бисквиты на тележке можно молча. Да нет, кроме акцента, ее тотчас выдаст бледная кожа, что от солнца вмиг краснеет и покрывается веснушками. И куда деть робкий, лишенный оценивающей цепкости взгляд, по которому сразу определишь переселенца? Вон даже походка скажет многое, думала Брайди, глядя на покачивающийся литой зад Мэри.

На последнем этаже был «Свадебный салон», предлагавший изобилие свадебных вуалеток, перчаток, цветов и кружев любых пастельных оттенков. За одним прилавком будущие невесты и их матушки отбирали ткань на подвенечное платье, за другим – тесьму и кружева. Под плакатом «Специально подобранные ткани подадут невесту в самом выгодном свете с учетом ее возраста и особенностей фигуры» сидел модельер, окруженный образцами материалов.

– Пошли вниз, – попросила Брайди. – Что-то мне нехорошо.

– Правда? – удивилась Мэри. – Из-за высоты, что ли? Ты первый раз на десятом этаже?

– Не в том дело, – сказала Брайди. На лбу ее выступила испарина.

– Бедняжка ты моя. – Мэри достала носовой платок и отерла ей лицо. – Пропала твоя пудра.

Они подошли к золотистой стене и вызвали лифт. Извинившись за испорченную прогулку, Брайди попросила подругу остаться, мол, она доберется домой сама, но обе понимали, что это лишь слова. Брайди плохо ориентировалась в городе и легко могла забрести в окрестности Гарлема.

Они спустились на цокольный этаж и по проходу, окаймленному сияющими витринами, направились к выходу. Брайди вдруг полегчало. Она разглядывала продавщиц за прилавками. Те и впрямь выглядели настоящими американками. И дело было не только в белизне их зубов и тщательно уложенных прическах. Они стояли гордо, в их позах не было угодливости, свойственной недавно приехавшим в эту страну.

Навстречу торопливо шел мужчина со скаткой большого ковра на плече. Брайди посторонилась и, пропуская его, машинально прикрыла руками живот. И тут до нее дошло, что она бесчисленно видела, как точно так же делает мама, оберегая зревший в ней плод.

В чреве ее жил ребенок.

Брайди похолодела, а сердце ее подтвердило то, что она уже знала.

У нее будет ребенок. Дитя Тома, рожденное в Америке.

Издали донесся голос Мэри, окликнувшей ее.

Брайди привалилась к стеклянной витрине с воротничками сорочек, пытаясь сообразить, что же теперь делать.

8 Сара

Холлингвуд
1908

Сара включила медную настольную лампу под розовым абажуром с бахромой и чуть ее повернула, чтобы световой круг падал на страницы новой библиотечной книги «Дороти и волшебник в стране Оз»¹, раскрытой на коленях.

После ужина все вместе – она, отец, брат и младшая сестра – перебрались в библиотеку. Отец уселся в свое любимое кресло и набил трубку, Бенно и Ханна, устроившись на медвежьей шкуре перед камином, начали игру в домино. За стенкой было слышно, как Нетти моет посуду. В комнате пахло трубочным табаком, дымком из очага и пихтовыми лапами в лентах, украшавшими каминную полку.

Откашлявшись, Сара приступила к чтению, начав с авторского обращения, озаглавленного «К читателям»: «По мне, уж лучше быть рассказчиком, нежели президентом».

Бенно гикнул.

Отец вынул трубку изо рта:

– Для Резиденции президента Лаймен Фрэнк Баум подходит больше. По крайней мере, он в ней поместится.

Точный вес президента Тафта был предметом общественных догадок. По слухам, он перевалил за триста пятьдесят фунтов.²

– Теперь это никакая не Резиденция, – сказал Бенно. – Рузвельт переименовал ее в Белый дом, не помнишь?

Отец терпеть не мог Рузвельта, а теперь ненавидел и Тафта, которого называл не иначе как «президент Спроси-совета-Тедди».

Прерывая политическую дискуссию, начатую за ужином, Сара прочла:

– «Юная пассажирка поднялась с места и заторопилась к выходу. В одной руке у нее был плетеный саквояж, в другой – прикрытая газетой птичья клетка...»³

– Ой, там про птичку! – Ханна оторвалась от костяшек домино и улыбнулась, словно Сара сама вставила птицу в повествование. Она любила всех божьих тварей, больших и маленьких. На прошлой неделе принесла в дом вьюрка, погибавшего от мороза, и не хотела с ним расстаться, пока Нетти не сказала, что птица в доме – плохая примета: к чьей-нибудь смерти.

– «Ты, что ли, Дороти Гейл? – Я, – ответила...»

Ох! Неразрезанная страница не переворачивалась. Сара потянулась к тумбочке (шпон черного дерева) и из ящика, простеленного зеленым фетром, достала нож для бумаги. Видимо, книгу получала не библиотечарша, а ее помощница, озабоченная своей недавно состоявшейся помолвкой. Надеюсь, мне-то не придется ждать предложения до той поры, когда я уже буду старой девой двадцати шести лет, подумала Сара.

Отполированный костяной нож в виде меча был сувениром, привезенным родителями из свадебного путешествия по замкам Шотландии, рукоятка украшена мелкими самоцветами, на лезвии полустертое название замка – Хоторнден. Прицелившись, Сара разрешила страницы. Кольнуло грустью, как бывало всякий раз, когда она прикасалась к маминым вещам. В доме их было много: портняжные ножницы в форме птицы, эмалированная шкатулка, набор серебряных щеток на туалетном столике, которым Сара пользовалась на пару с Рейчел.

¹ Роман Лаймена Фрэнка Баума (1908). – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Уильям Говард Тафт (1857–1930) – 27-й президент США (1909–1913).

³ Лаймен Фрэнк Баум, «Дороти и волшебник в стране Оз». Здесь и далее перевод Т. Венедиктовой.

Сейчас на семейных посиделках сестра отсутствовала – с подругами ушла смотреть «Рождественскую песнь» в кинотеатре «Мажестик». Фильм длился всего пятнадцать минут, но потом предполагались песнопения, так что отец слишком рано начал покусывать мундштук трубки и поглядывать в сторону входной двери.

Со своего места Сара видела прихожую и, покачав головой, взглядом сказала отцу, что пока никого нет. В том была необычность дома: благодаря отражениям в стеклянных дверях и местами скошенным стенам просматривался коридор за углом. Дом спроектировал Сарин дед Финеас, хотя был не архитектор, а политик. В их семье издавна считалось, что урожденные Холлингворты справятся со всем или, по крайней мере, с тем, чем решили заняться.

– Ты это уже читала, – сказала Ханна, и Сара поняла, что так и не перевернула страницу. Она отыскала место, на котором остановилась, и уж было продолжила чтение, но тут вошла Рейчел.

На два года моложе Сары, в свои девятнадцать лет она могла позволить себе девчачьи манеры, на что Сара в этом возрасте уже не имела права. Когда девять лет назад в родах умерла их мать, на плечи старшей дочери легло бремя хозяйки дома.

– Храни нас всех Господь! – пропела Рейчел. Щеки ее покраснелись, на воротнике норковой шубки таял снег. – Сара, ты была права – фильм потрясающий.

Она подошла к отцу и чмокнула его в щеку. Значит, ей что-то нужно, поняла Сара.

– Милый папочка! – Сбросив шубку, Рейчел уселась на оттоманку в гобеленовой обивке.

– Слушаю, дочурка, – в тон ей ответил отец.

Сара не уставала поражаться, как легко мужчины (включая отца) покупаются на женские штучки. Когда в редких случаях она сама прибегала к подобным приемам, ей тотчас делалось неловко и за себя, и за жертву.

– Мать Дотти Кэнфилд будет главой нового филиала «Христианского благодеяния», – продолжила Рейчел.

Ей-то что за дело? Церковный энтузиазм Рейчел ограничивался встречами и собраниями, не распространяясь на благотворительность.

– Вот как? – Отец сдвинул очки на кончик носа, что означало – он изготвился к защите.

– В Нью-Йорке миссис Кэнфилд создает новую миссию. Каждую среду она будет поездом возить туда группу добровольцев – поработать в доме для бедных.

Заложив пальцем страницу, Сара закрыла книгу и сосредоточила внимание на перспективе еженедельных поездок в Нью-Йорк.

Отец молчал. Потом вынул трубку изо рта и, взяв серебряный тампер, стал увлеченно трамбовать прогоревший табак в чашке.

– Я поеду, ладно? – спросила Рейчел.

– *Можно*, я поеду? – поправила ее Ханна, выкладывая костяшку домино.

– Мала еще! – огрызнулась Рейчел.

Похоже, остаток табака отца удовлетворил – он опять вставил трубку в рот. В стеклах его очков без оправы отражался огонь камина.

– Ты сама еще слишком юна и можешь стать жертвой тамошних негодяев, – сказал отец.

Будь Сара на месте Рейчел, она напомнила бы ему, что девятнадцать – вовсе не детский возраст. Их матери было именно столько, когда он ее обольстил, а в двадцать она вышла за него замуж. Он все еще считал своих девочек маленькими, а в других семействах матери уже присматривали женихов своим взрослым дочерям. К счастью (с оттенком печали), заняться этим для Сары было некому.

Но Рейчел промолчала. Видимо, подобная мысль ее не посетила либо твердость отцовского тона дала понять, что упрашивать бесполезно. В слезах она кинулась в свою комнату наверху.

Однако зерно упало: неплохо бы совместить христианское милосердие с осмотром нью-йоркских достопримечательностей, подумала Сара.

9 Сара

Холлингвуд
1899

Смерть ее матери стала шоком даже для доктора Спенсера, многолетнего семейного врача Холлингвортов. И он, и акушерка считали, что всё пройдет благополучно. Мать была из рода Стентонов, то бишь крепышка. И уже родила пятерых здоровых ребятешек. В последние недели беременности она соблюдала рекомендованный укрепляющий режим: лежа в постели и любуясь озером, вдыхала холодный бодрящий воздух, проникавший через дверь французского окна, которое ежедневно, даже зимой, на час оставляли открытым. Благодетельность пребывания в Желтой комнате подтверждали все прежние удачные разрешения от бремени.

* * *

Саре было двенадцать лет. Перед уходом в школу она дважды чмокнула маму в щеки: один чмок ей, второй – ребеночку. Всё было хорошо. Обложенная подушками, мать прекрасно выглядела в розовом стеганом халате, на котором были вышиты ее инициалы (рождественский подарок от Сары).

– До свиданья, милая, – сказала мама.

Позже Сара вновь и вновь вспоминала эти слова, выискивая в них оттенок прощания навеки.

* * *

Она училась в шестом классе, который вела миссис Фландерс. В тот день, когда она вернулась с уроков, в кухне никого не было – ни поварахи, ни Нетти. В начальной школе, где учились Бенно и Ханна, уроки заканчивались позже. В прихожей повесив пальто и шапку, Сара пошла наверх к маме. Необычная тишина в доме могла уведомить ее: что-то не так. Но Сара ничего не заметила, ей не терпелось поздороваться с мамой и отпроситься вечером покататься на коньках с Лил. Будет полная луна. Лед пока не растаял, но другой возможности поскользиться по озеру в этом году уже, наверное, не представится.

Дверь в мамину комнату была закрыта – знак, что там акушерка. Обычно Сара прислушивалась, прежде чем постучать. Но едва она приблизилась к двери, как та распахнулась и на пороге возник отец. Почему это он дома днем?

Отец закрыл за собою дверь, посмотрел на Сару, но ничего не сказал, только достал из жилетного кармана часы и, щелкнув крышкой, чуть наклонил их, вглядываясь в циферблат. В сумраке коридора часы сияли, точно маленькая луна.

– Папа, – окликнула Сара.

Отец повернулся к ней, и она увидела нечто невероятное.

Его глаза – покрасневшие, мокрые. Он плакал.

– Мама и ребеночек успокоились, – через силу сказал отец. Он вновь перевел взгляд на циферблат, потом резко захлопнул золотую крышку, судорожно сунул часы в карман и пошел к винтовой лестнице, бесшумно ступая по ковровой дорожке.

Сара смотрела, как он медленно исчезает: сначала скрылись его ступни, потом колени, затем плечи и, наконец, голова. Лишь когда он весь пропал из виду, до Сары дошел смысл его слов. Мама и ребеночек не успокоились. Они умерли.

Сара инстинктивно отпрянула от двери, но потом что-то притянуло ее к этой преграде, отделявшей от матери. Пальцы зависли над хрустальным набалдашником дверной ручки и, помедлив, обхватили его. Если ручку повернут с той стороны, значит, Сара всё не так поняла и может войти. Пальцы чутко прислушивались, словно лежали на спиритическом блюде. Ручка не шелохнулась. Согнувшись, Сара припала ухом к замочной скважине. Тишина.

Рука, будто по собственной воле, повернула ручку. В комнате полумрак. Шторы задернуты. На кровати едва различимый серый холм. На фоне окна силуэт акушерки миссис Данстейбл. Спиной к Саре, она с чем-то копошилась.

Сара подошла к кровати. В воздухе почему-то пахло железом. Сара нагнулась поцеловать маму, но, едва коснувшись губами ее щеки, отшатнулась, пораженная страшным холодом, никогда прежде от нее не исходившим.

– Сара, дорогая! – Миссис Данстейбл приблизилась, комкая в руках испятнанное покрывало. – Господь призвал твою маму. Он позволил ей взять с собою малышку, теперь они неразлучны. Поцелуешь на прощанье свою сестричку?

Теперь Сара разглядела, что сверток в ее руках – не покрывало, а темное неподвижное тельце.

Она выскочила из комнаты, грохнув дверью.

Аккуратнее, не хлопай дверью! – всегда говорила мама. Но сейчас это уже не имело значения.

В своей комнате Сара упала на кровать, застеленную ватным одеялом, и заплакала, уткнувшись лицом в вышитые синим шелком звезды. Потом сползла на пол, встала на четвереньки и достала из-под кровати коробку. Сняла крышку, откинула бумагу. В коробке лежали ее некогда любимые куклы. Мамины подарки к дням рождения. Уже давно Сара в них не играла. Три куклы с фарфоровыми ручками-ножками и матерчатými туловищами, набитыми опилками. Не заботясь о том, что помнет атласные платица и шелковые шляпки на головках с натуральными волосами, Сара схватила кукол в охапку и прижалась к ним заплаканным лицом. Наверное, она больше никогда к ним не прикоснется.

* * *

Друзья, родственники, соседи и сотрудники фабрики выражали соболезнования. На парадных дверях висел скорбный дар церкви – венок из белых цветов, перехваченных траурной лентой. Поступали открытки, цветы, поминальные пироги. Еду в тарелках, обернутых посудными полотенцами, к черному ходу доставляли дети поварих, служивших в соседних домах. Миссис Симпсон, кухарка Холлингвортов, обитавшая в сторожке мистера Симпсона, который отвечал за колку дров и стрижку газона, охотно принимала все подношения. Даже она, отменная повариха, не справилась бы с потоком гостей, таких голодных, будто их год не кормили.

– Смерть пробуждает волчий аппетит в живых, – буднично сказала миссис Симпсон, раскладывая очередную порцию бутербродов с ветчиной на пустом подносе, принесенном Сарой. Слова ее покоробили Сару, хотя она понимала, что повариха, много лет прослужившая в их доме, тоже горюет.

Гостиная в западном крыле обычно была местом веселья, где играли в карты или, скатав ковры и убрав мебель в сарай, устраивали танцы. А в тихие семейные вечера мама наигрывала на пианино любимые мелодии, на жаровне стреляла кукуруза, дети состязались в шарадах. Теперь здесь царил зловещая торжественность, под зеркалом, затянутым черным крепом, горели тонкие свечи в медных подсвечниках.

С семи утра до десяти вечера шли визитеры, желавшие выразить соболезнование. Не пользуясь дверным молотком в виде медного льва, они тихо отворяли украшенную венком дверь и, не дожидаясь приглашения, проходили в гостиную. Там в черном гробу, простелен-

ном сборчатым белым атласом и оттого смахивавшем на причудливую бонбоньерку, с молитвенником в руках лежала Сарина мать. Гроб стоял на том же месте, где некогда прощались со старшим братом Сары. Мамины руки, странно темного цвета, казались вырезанными из хозяйственного мыла. Сара старалась на них не смотреть, сосредоточившись на мамином лице. Но оно лишь напоминало ее истинный облик, как живописный портрет только похож на подлинный образ модели. Сара представляла, что на самом-то деле мама незримо парит под потолком и смотрит на нее, в руках баюкая малышку.

Сара не плакала, хотя очень хотелось. Она вежливо кивала, выслушивая добрые слова о маме. Казалось важным подать пример сдержанности десятилетней Рейчел и восьмилетнему Бенно, которых на неделю отпустили из школы. Они-то плакали беспрестанно и уже опухли от слез, их новые носовые платки с траурной каймой промокали насквозь. Вечером Нетти забирала платки и утром возвращала их выстиранными и выглаженными. Она говорила, в хлопотах ей легче.

Маленькая Ханна, которой было всего четыре года, все время спрашивала, когда вернется мама. Хоть на минуточку, умоляла она.

Сара плакала, когда ее никто не видел. Она уходила к озеру, забиралась в башню или пряталась в нише между стеной и винтовой лестницей, появившейся на втором этаже, когда лестницу перенесли из вестибюля в коридор. Плакать она могла только в одиночестве. Утрата ощущалась безмерной пустотой, словно Сару выскребли до доньшка.

На похороны приехала тетя Герта. Приехала и осталась. С собою она привезла не венок, а саженец. Толсто обернутый марлей, он походил на мумию. Скинув пиджак, отец довольно долго копал для него ямку и посадил в центре палисадника. Когда вырастет дерево, его будет видно из любого фасадного окна, и оно станет напоминать нам о маме, сказал отец. Саженец, больше похожий на пруттик, доставал Саре до пояса. Не верилось, что он вырастет в дерево.

Тетя Герта заняла комнату на третьем этаже, смежную со спальней Ханны. Слава богу, ей не отвели Желтую комнату, где умерла мама. Удивительно, однако тетя Герта даже не попросила поселить ее в этой комнате, самой удобной в доме.

Вообще-то она была не настоящей тетушкой, поскольку доводилась маме двоюродной сестрой. Прежде Сара видела ее всего один раз на свадьбе кого-то из родственников. Сама тетя Герта никогда не была замужем. И вряд ли когда-нибудь выйдет, считали Сара и Рейчел, поскольку тетя была неохватной там, где женщина должна быть узкой, и плоской в тех местах, где предполагались выпуклости.

До несчастья с Сариной мамой она жила в Балтиморе, ухаживая за дядюшкой-инвалидом. Теперь ему наняли сиделку, а тетя отправилась на север, чтобы взять на себя заботу о Саре, ее брате и сестрах. То есть любезность оказали оба – и Герта, и дядюшка.

Поначалу казалось, что с тетушкой, представлявшей балтиморскую ветвь рода Стентонов, им не ужиться. Хоть война была выиграна, многочисленные отличия между живущими по разные стороны линии Мэйсона – Диксона сохранились.⁴

У Герты был необычный выговор, напоминавший стрекот насекомого, – слово «тётя» она произносила как «цёця». Мало того, она выступала со странными заявлениями – мол, в семье дети должны обращаться ко взрослым «мэм» и «сэр», а чай со льдом надлежит пить не только летом, но круглый год. Отец мягко ее удержал, когда еще задолго до окончания срока траура она хотела вновь запустить часы и снять черные драпировки с зеркал.

Когда жизнь немного вошла в колею, Сара, несмотря на отсутствие аппетита, села завтракать с тетей Гертой, от всех требовавшей пунктуальности в приеме пищи. Откинувшись на

⁴ Линия, проведенная в 1760-е годы английскими землемерами и астрономами Чарлзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном, определила границу сразу нескольких штатов – Пенсильвании, Мэриленда, Делавэра и Западной Виргинии. Кроме того, эта граница отделяла свободные от рабства штаты Севера от рабовладельческих штатов Юга.

стуле, тетушка заглядывала под скатерть. Сара поняла, что Герта ногой нашаривает звонок, скрытый под цветастым ковром. Наконец она его отыскала и придавила тяжелым башмаком, вызывая повариху.

Сара знала, что миссис Симпсон это не понравится. Мама пользовалась звонком только в шутку, вызывая Нетти или служанку, подававшую блюда, но никогда – повариху, о мясных пирожках и лимонных ватрушках которой ходила такая слава, что вздумай она поменять место работы, смогла бы диктовать свои условия новым хозяевам.

Миссис Симпсон поняла, что звонок адресован ей, поскольку нынче был день стирки и Нетти в подвале готовила щелок. И вот через распашную дверь кладовки повариха вошла в столовую и, скатывая рукава белой блузы на полных руках, поинтересовалась, хорош ли завтрак. Хорош, ответила тетя Герта, пирожки горячие, бекон вкусный, с хрустящей корочкой. Затем она подала поварихе листок, на котором аккуратным почерком было составлено меню на неделю.

Пока миссис Симпсон читала список, ее поварской колпак все ниже съезжал ей на лоб. Потом она подняла взгляд и заговорила, обращаясь не к Герте, а писанному маслом портрету Сариной матери, висевшему над горкой с серебряным чайным сервизом. Должна огорчить добрую леди с юга, сказала повариха, но большинство ингредиентов для означенных блюд будут доступны только летом.

С той поры тетя Герта оставила ее в покое, и миссис Симпсон продолжала готовить годами проверенные блюда, чего, в общем-то, все и хотели.

* * *

Еще одной закавыкой стало отношение тетушки Герты к Нетти. Она не могла принять того, что служанку считают членом семьи.

– Там, откуда я приехала, хорошие манеры подразумевают, что каждый знает свое место, и это для всех спокойнее.

По ее мнению, обслуга не ровня тем, кого обслуживает, что только во благо обеим сторонам.

Все – сначала отец, потом Сара, а следом Рейчел и Бенно – пытались ей втолковать, что Нетти не просто служанка. Каждый говорил об ее особом случае, но тетя Герта отвечала: вас, похоже, больше заботит то, чего в ней нет, нежели то, что она из себя представляет.

* * *

В доме Нетти появилась еще до рождения Сары. Она была из семьи бывших рабов, которые двадцать лет назад из Кентукки переехали в Веллингтон, где работали на домне. В 1888-м, когда Нетти было пять лет, родители ее погибли в снежном буране, и она осталась на попечении города, который начал подыскивать ей приемную семью. К Холлингвортам обратились не только из-за их просторного жилья, но еще и потому, что они слыли семейством, которое и в такой обузе найдет свои плюсы, чего не скажешь об их соседях, самонадеянных уроженцах Новой Англии, ярых ценителях неприкосновенности частной жизни.

В то время Бенджамину, первенцу четы Холлингвортов, названному в честь отца, было четыре года. Родители звали его Бенджи. Мать весьма ценила помощь Нетти, выражавшуюся в том, что она, и сама еще ребенок, стала напарницей сына в детских играх. Заменить ее в том никто не мог.

Однажды Бенджи, никем не замеченный, улизнул на озеро. И утонул.

Нетти замолчала на целый год.

По малолетству Сара этого не помнила, но историю эту знала. После гибели друга Нетти перестала говорить. Старый доктор ее осмотрел, однако не нашел никаких отклонений. Она была здорова.

И еще Нетти бросила школу. Учитель выгнал ее с урока, сочтя ее молчание дерзостью. И она уже не вернулась. Целыми днями ходила хвостом за Сариной матерью, помогая ей в домашних делах. Однажды мать, заправляя постель, ушиблась о кроватную ножку.

– Ой, вот неуклюжая! – обругала она себя, и Нетти вдруг сказала:

– Все нет.

Как ни в чем не бывало, она вновь заговорила, причем неумолчно, словно желая найти применение всем словам, которые целый год не использовались.

Возвращаться в школу она не хотела. Ее вполне устраивала роль помощницы «мамы Ворт», против чего та не возражала, и потом, никакой закон не обязывал ее учиться. Освоив консервирование и садоводство, стирку и штопку, Нетти стала специалистом домашней работы и порой, используя хитроумные приемы собственного изобретения, превосходила в ней даже свою хозяйку.

* * *

К моменту появления тети Герты семнадцатилетняя Нетти заняла (либо ей отвели) необычную нишу в семействе Холлингвортов. Она соединяла в себе компаньонку, домработницу и незамужнюю тетушку, которая исполнит роль сиделки для всякого захворавшего члена семьи, даже иногороднего. Как-то раз ее на неделю откомандировали в Хартфорд, где тамошних Холлингвортов свалил грипп.

В доме Нетти отвечала за стирку, закупку провизии и сбор огородного урожая для созданных миссис Симпсон блюд, которыми вместе со всем семейством угощалась за обеденным столом. Но если Холлингворты принимали гостей, она только исполняла обязанности официантки, а ела с поварихой в кухне.

Со дня подписания «Прокламации» минуло тридцать с лишним лет, но тетя Герта не привыкла сидеть за одним столом с чернокожей. Поначалу она демонстративно не замечала Нетти и ничего не принимала из ее рук. А потом, сославшись на недомогание, вообще не вышла к ужину – мол, откушает в своей комнате. Не станет ли это правилом, что тетушка участвует лишь в трапезах с гостями? – подумала Сара.

Однако отец, прочитав молитву, отложил салфетку и пошел разговаривать с Гертой. Когда он вернулся, Нетти еще не притронулась к еде; она взяла свою тарелку и сказала, что совсем не прочь питаться в кухне.

– Сядь! – рявкнул отец, словно был сердит на нее, но Сара понимала, что это не так. У всех сжалось сердце, когда они увидели слезы Нетти, капавшие в ее тарелку. – Пожалуйста, извини за всё это.

Позже Сара, переживая за Нетти, отвела ее в сторонку и тоже попыталась извиниться за поведение тетки, но девушка приложила палец к губам. Видимо, опасалась, что Герта их услышит.

– Мне это безразлично, – сказала она. – И ты не обращай внимания.

Постепенно тетя Герта изменила отношение к Нетти, но вовсе не потому, что та пыталась ей понравиться. Напротив, Нетти делала свою обычную работу и воспринимала Герту как громоздкую мебель, которую не сдвинешь и надо просто обойти. Через какое-то время тетушка начала с ней разговаривать и даже общалась за столом, прося передать солонку или блюдечко с маслом.

В разговоре с детьми отец, удостоверившись, что тетюшка и Нетти его не слышат, похвалил Герту. Человеку, сказал он, трудно отказаться от того, что сорок три года он считал правильным.

Но в одном Герта, вопреки надеждам отца, осталась непоколебима – она была ярой приверженкой трезвенности. Веря в полезность зеленого чая, тетюшка пила его ведрами и безуспешно пыталась привить эту привычку остальным членам семейства.

Вскоре после приезда тетя Герта пошла в церковь, и кто-то из прихожан предложил ей вступить в местное отделение «Общества трезвости христианок». После этого со стола Холлингвортов исчез портвейн, что, в общем-то, никого, кроме отца, не тяготило, да и это, наверное, сказано слишком сильно, поскольку он никогда не выпивал больше стаканчика-другого. Однако Сара видела, что отец скрывает раздражение. Исключение делалось лишь для званных ужинов, но тетя Герта, опустив долу скорбный взгляд, неизменно отказывалась от предложенного ей бокала.

* * *

В доме Герта провела четыре года; она не пыталась заменить детям мать, но стала частью их жизни, что Сара смогла оценить лишь гораздо позже.

Момент наибольшей доверительности в отношениях с тетюшкой возник вскоре после ее приезда. В тот весенний день Сару отпустили с уроков, потому что у нее разболелся живот. Она перешла через мост, и тут появилось странное ощущение – как будто в штаны залезла муха. Нырнув в кусты, Сара задрала юбку, чтоб отыскать причину беспокойства, и с ужасом увидела струйку крови на внутренней стороне ляжки. Листьями с куста отерла кровь. И решила, что умирает. Бедный отец, он потерял сына, потом жену и новорожденного ребенка, а теперь вот лишится еще и старшей дочери, в которой не чает души. Как ему такое пережить? Весь остаток пути Сара приволакивала ногу, но не потому что та отказала, просто на ней было сосредоточено всё внимание – не кровоточит ли снова? Сара содрогнулась, представив кровавые следы на белой ажурной юбке. К дому она подошла с черного хода и, ковыляя вдоль ограды, на веранде увидела тетю Герту, которая, сидя за плетеным столом, копалась в сумке для рукоделия.

Заметив Сару, тетюшка вскочила и встревоженно спросила:

– Что случилось?

Видимо, юбка погибла безвозвратно. Сара опустила взгляд и облегченно выдохнула, увидев, что одежда ее в порядке. А вот язык не слушался. Да она и не знала, что сказать. Сара заплакала, и тогда тетя Герта, забрав портфель из ее безвольной руки, усадила ее рядом с собой на плетёный диванчик. Она гладила Сару по головке, как делала мама, и приговаривала:

– Ну-ну-ну... ничего страшного...

Сара зарыдала, ибо хуже быть не могло. Наконец она выдавила:

– Там идет кровь...

– Бедный мой ребенок!

Не дав договорить, тетя Герта зашептала ей на ухо, и под потоком утешительных слов – «в порядке вещей... здоровый организм... становишься девушкой» – Сара успокоилась, однако и смутилась. Потом она пришла в себя настолько, что смогла войти в дом, где поздоровалась с миссис Симпсон, к ужину чистившей картофель, и следом за тетюшкой одолеть два лестничных марша до ее комнаты. Из битком набитого, а потому неподатливого нижнего ящика комода тетя Герта достала коробку с вязаными салфетками и английскими булавками.

Вечером Сара заволновалась, увидев покраснение на ляжке (ох уж эти листья сумаха!), но тетюшка протерла ожог каламиновым лосьоном и сделала компресс из крестовника. Недо-

могание продлилось несколько дней, однако Герта, слава богу, никому и словом не обмолвилась о своем участии.

* * *

Тетушка оставалась в доме, пока Саре не исполнилось шестнадцать и она не стала достаточно взрослой, чтобы самой заботиться о младших. И вот одним утром отец отвез Герту к поезду до Нью-Йорка, где ее встретит вирджинская сестра мужа кузины, нуждающаяся в компаньонке. Был май, на гравийной дорожке перед домом Сара прощалась с тетушкой, пока отец пристраивал баул и саквояжи на задке повозки. Помахав рукой вслед экипажу, Сара почувствовала громадное облегчение. Обернувшись, она посмотрела на дом, в открытых окнах которого полоскались занавески. Казалось, он тоже вздохнул свободнее. Сара устыдилась своей радости от того, что тетушка уехала. Лишь через много лет она поймет всю значимость дара, который тетя Герта преподнесла ей и ее семье.

10 Сара

Веллингтон, Коннектикут
Декабрь, 1908

Иногда Сара опасалась, что закончит, как ее тетушка. Ей исполнился двадцать один год, некоторые ее подруги уже вышли замуж. Порой отец шутил – мол, он хотел бы, чтоб его дочери остались вековухами. Всякий раз Сара пугалась. Когда отец состарится, забота о нем ляжет на плечи старшей дочери, и она тревожилась, что вот так, иносказательно, ей о том сообщают.

Сестра Рейчел, не обремененная подобной тревогой, поддерживала модное веяние о необязательности замужества вообще. В отличие от большинства девушек, говорила она, нам нет *необходимости* выходить замуж, поскольку основанная дедом фабрика скобяных изделий – крупнейшее городское предприятие, что избавляет нас от необходимости искать себе мужей ради пропитания.

Сара не нуждалась в деньгах, но хотела счастья и потому, конечно, мечтала о замужестве по любви.

* * *

Эдмунда она знала с детства. Они не были товарищами по играм, но в таком маленьком городке все друг с другом знакомы. Их семьи вместе выезжали на пикники в городской роще, в День поминовения по Мэйн-стрит вышагивали на кладбище и украшали флажками солдатские могилы, а также посещали церковные собрания, на которых слушали лекторов, ради свеча просвещения проделавших долгий путь.

Эдмунд всегда ей нравился. Этот спокойный парень предпочитал, чтоб за него говорили не слова, а поступки. Однажды он, еще подросток, в составе поисковой партии всю ночь провел в лесу, разыскивая мальчонку, отбившегося от цыганского табора. Именно Эдмунд и нашел его, дрожащего от холода, в дупле дерева.

«Я не герой, я просто зоркий» – эти скромные слова стали заголовком заметки, вместе с фото Эдмунда помещенной на первой странице «Веллингтон рекорд». Фотографию Сара вырезала и вклеила в свой дневник.

Эдмунд был немного старше нее. В Йельском университете он учился целых семь лет и окончил юридический факультет первым на курсе, о чем вновь сообщила «Веллингтон рекорд».

Говорили, он совершает образовательный тур по Европе, поэтому Сара удивилась, увидев его на рождественском представлении в пользу подкидышей, которое давали в церковном подвале. Эдмунд сидел в ряду перед ней. Сара громко заговорила с братом, надеясь, что Эдмунд обернется. Так и вышло. Эдмунд обернулся и настоял, чтобы они с Сарой (какое счастье, что на ней было новое желтое платье, которое миссис Гауптмер успела-таки закончить) поменялись местами, дабы ничто не перекрывало ей обзор сцены. Сара пересела к его кухне Милли, вознамерившейся поболтать, но ушла от разговора с ней, притворившись, будто изучает программку, ибо ей было интереснее знать, о чем беседуют Эдмунд и Бонно. Говорили они об учебе – через год брат оканчивал школу и, как большинство его одноклассников, собирался поступать в Йельский университет.

Слушая их, Сара вообразила вполне возможную картину: Бонно стал Эдмунду шурином, болтают за завтраком. Наверное, Эдмунд захочет, чтоб после свадьбы она оставила Холлингвуд и переехала к его семье на Вайн-стрит. Или он построит собственный дом? В прошлом году

умер его отец, и Эдмунд принял должность в фирме «Сквайр, Боггс и Портер» (Портер – это его отец). Скорее всего, год-другой он будет набираться опыта и лишь потом прикинет траты на постройку дома.

На сцене чередовались живые картины о событии в яслях – ежегодное выражение сиротской благодарности за щедрость паствы, но Сара не могла на них сосредоточиться, чувствуя взгляд Эдмунда на своих волосах, забранных в высокую прическу. Не удержавшись, рукой в перчатке она коснулась затылка, проверяя, на месте ли гребни. Удачно, что сегодня она воспользовалась своими самыми красивыми гребнями с бархатной окантовкой.

Обычно после благодарственных речей Сара угощалась сладостями, разложенными на бумажных кружевных салфетках, – даром оргкомитета, но сейчас, желая впечатлить Эдмунда своим поведением дамы, умеющей себя ограничить, воздержалась даже от печенья кухарки из дома миссис Хейзелден.

Сара приятно взволновало, что Эдмунд общался только с ней. Он рассказывал об окутанном туманом Лондонском мосте и короле Эдварде VII, которого мельком видел в карете. Они говорили о новом центре, на котором Авраам Линкольн заменил Свободу в индейском головном уборе. Интересно, примет ли его игровой автомат, сказала Сара и поведала о десятидолларовой купюре, которую обнаружила в только что купленных туфлях. Она зашла к аптекарю, и тот, изучив десятку под микроскопом, подтвердил ее подлинность. Половину суммы Сара отдала на устройство нынешнего мероприятия.

Когда беседа увяла, Эдмунд принес Саре чашку пунша, которую она позволила вновь наполнить лишь один раз, скромно отказавшись от дальнейшего повторения.

– Ты будешь на балу у Редфилдов? – спросил Эдмунд, и Сара была счастлива, что может ответить «да».

Впервые за двадцать один год ее жизни отец позволит ей пойти на ежегодный маскарад. Старомодный батюшка полагал, что юным веллингтонским девам чересчур опасно посещать увеселение, на которое съезжаются иногородние гости, включая иностранцев, о ком неизвестно ничего, кроме национальности, да и ту можно скрыть под маской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.